

Generalkonsulat
der Bundesrepublik Deutschland
Kaliningrad

Генеральное консульство
Федеративной Республики Германия
Калининград

Генеральное консульство
Республики Польша
в Калининграде

СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ ХАННЫ АРЕНДТ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2015

УДК 32(091)
ББК 66.1(4Гем)6+66.1 (7Сое)6я243
С56

Конференция организована Балтийским федеральным университетом им. И. Канта в рамках Года культуры и литературы Германии в России при финансовой, организационной и информационной поддержке Генерального консульства Германии в сотрудничестве с Генеральным консульством Республики Польша, администрацией города Калининграда, Гёте-Институтом в Санкт-Петербурге и Калининградским зоопарком.

Редакционная коллегия

А. Н. Саликов, канд. филос. наук (БФУ им. И. Канта)
И. О. Дементьев, канд. истор. наук (БФУ им. И. Канта)
В. А. Чальий, канд. филос. наук (БФУ им. И. Канта)

С56 **Современное значение идей Ханны Арндт : материалы международной конференции / отв. ред. А. Н. Саликов, И. О. Дементьев. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2015. — 103 с.**
ISBN 978-5-9971-0393-4

Представлены материалы международной научной конференции «Современное значение идей Ханны Арндт», прошедшей 4 декабря 2014 года в Калининграде.

Предназначен для исследователей политической философии, преподавателей и студентов вузов, а также всех интересующихся историей политической мысли.

Печатается на средства Генерального консульства ФРГ в Калининграде.

УДК 32(091)
ББК 66.1(4Гем)6+66.1(7Сое)6я243

ISBN 978-5-9971-0393-4

© БФУ им. И. Канта, 2015

Содержание

Ханна Арендт: возвращение домой.....	4
<i>Карпенко А. М.</i> Город, история и сфера публичного: Арендт в Калининграде?.....	10
<i>Кшеминьски А.</i> Вина и покаяние. Тоталитарные революции в Европе XX века. К политической философии Ханны Арендт (пер. с нем. С. Колбанёвой, под ред. А. Н. Саликова).....	14
<i>Магун А. В.</i> Революция у Арендт и судьба революций в наше время	33
<i>Саликов А. Н.</i> Актуальность философии Ханны Арендт сегодня: Интернет как пространство публичности	39
<i>Филиппов А. Ф.</i> Ханна Арендт и Карл Шмитт: два понятия политического.....	52
<i>Хойер В.</i> Чудо действия — но кто именно действует? Размышление о значении личности (пер. с нем. С. Колбанёвой, под ред. А. Н. Саликова).....	66
<i>Хорст Г.</i> Ханна Арендт и Кёнигсберг (пер. с нем. С. Колбанёвой).....	86
<i>Об авторах</i>	103

Ханна Арендт: возвращение домой

Спустя сорок лет после смерти Ханна Арендт по праву считается одним из самых интересных философов современности. Ее наследие, безусловно, является достоянием всего мира точно так же, как и она сама была гражданином мира по убеждению, несмотря на особо тесные связи с отдельными культурами: еврейской и немецкой по рождению, французской и американской по сложившимся обстоятельствам и осознанному выбору. Мир велик, и жизненный путь мыслительницы, попавшей в круговорот самых драматичных событий минувшего столетия, оказался вплетен в историю разных мест — родилась в Ганновере, училась у Мартина Хайдеггера в Марбурге, защищала диссертацию у Карла Ясперса в Гейдельберге, выходила замуж в Берлине, работала в Париже, была узницей французского концлагеря Гюрс, преподавала в Принстоне, прославилась книгой об Эйхмане в Иерусалиме, умерла в Нью-Йорке. В контрасте с самым великим философом-домоседом, проводившим всю жизнь в пределах глухой восточнонемецкой провинции, она, кажется, в самом деле стала воплощением космополитической идеи — идеи космоса как полиса.

И все же было на Земле одно место, к которому Ханна Арендт питала особые чувства, — Кёнигсберг, город на Прегеле. Арендт, никогда не делавшая тайны из своего кёнигсбергского происхождения, подчеркивала свою кёнигсбергскую идентичность. Так, однажды в беседе с историком и публицистом Йоахимом Фестом в 1964 году она заявила: «По своему образу мысли я все еще уроженка Кёнигсберга. Иногда я это скрываю от самой себя. Но это так»¹. Для нас, жителей Калининграда (бывшего Кёнигсберга), это дополнительный повод

© Саликов А., Дементьев И., 2015

¹ *Hannah Arendt im Gespräch mit Joachim Fest*. URL: <http://www.hannaarendt.net/index.php/han/article/view/114/194> (дата обращения: 10.06.2015).

обратиться к творчеству Ханны Арендт: мы живем в том же городе, в котором она провела детство и юность, и это дает нам основание чувствовать более тесную связь с мыслительницей и гордиться своей причастностью к судьбе Ханны, пусть даже по той простой причине, что мы ходим по тем же самым улицам, по которым когда-то ходила она, видим те же здания, которые видела она, созерцаем ту же природу, которая окружала город и в ее время.

Долгое время имя Ханны Арендт оставалось неизвестным или почти неизвестным калининградцам. Горожане хорошо знали, кто такой Кант, многим были знакомы фамилии таких известных жителей Кёнигсберга, как Гофман, Гаман, Гиппель и др. Однако имя Арендт говорило о чем-то лишь избранным интеллектуалам. Возможно, первым прорывом в процессе возвращения образа Ханны Арендт в родной город был доклад Герхарда Баркляйта, прочитанный в городской библиотеке имени А.П. Чехова в 2005 году; за ним последовал доклад Алексея Саликова в Немецко-русском доме в 2006 году, приуроченный к столетию со дня рождения Ханны Арендт,— и в этом же году в день ее рождения, 14 октября, в Немецко-русском доме был показан документальный фильм об Арендт.

В новом веке постепенно начали развиваться и академические исследования творчества Ханны Арендт. Посильный вклад в изучение ее политической философии внес один из авторов этих строк — в 2008 году в Российском государственном университете имени Иммануила Канта (ныне БФУ им. И. Канта) Алексеем Саликовым была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук по теме «Рецепция идей Канта в учении о способности суждения Ханны Арендт» — первая диссертация, посвященная Ханне Арендт, в городе ее детства. Им же был выполнен перевод «Лекций по политической философии Канта» Х. Арендт, который публиковался в журнале «Кантовский сборник» в 2009—2012 годах.

Несмотря на некоторый прогресс в академических студиях, в публичном пространстве имя знаменитой землячки оставалось не очень заметным. Длительная пауза в продвижении ее образа в

городе была прервана лишь в марте 2014 года инициативным показом в клубе им. Руди Дучке (Областная научная библиотека) снятого в 2012 году художественного фильма «Ханна Арендт» (режиссер — Маргарет фон Тротта, в главной роли — Барбара Зукова). Восьмого мая 2014 года Ханна Арендт наряду с другими известными женщинами Кёнигсберга — Калининграда стала героиней Женской исторической ночи — ее портреты появились в городском пространстве — на стенах и столбах.

Вообще, 2014 год оказался особым временем, став, по сути, «Годом Ханны Арендт в Калининграде», инициированным Генеральным консульством Германии в рамках Года культуры и литературы Германии в России. Первым мероприятием этого цикла стал показ фильма «Ханна Арендт» Маргарет фон Тротта (с субтитрами на русском языке) в кинотеатре «Заря» в рамках Фестиваля европейского кино. Затем в рамках проекта «101 скамейка» Европейского банка на Верхнем озере в Калининграде была установлена памятная скамейка Ханне Арендт с цитатой из ее работы: «Отыскание нужного слова в нужный момент уже есть действие» / "Das Finden des rechten Wortes im rechten Augenblick ist bereits Handeln"².

Свое место в череде мероприятий нашла калининградская школа №41, которая располагается в здании, где до войны действовала школа имени королевы Луизы для девочек; в ней, как это твердо установлено, училась юная Ханна Арендт. Благодаря директору школы Элеоноре Симоновой был организован конкурс эссе старшеклассников городских школ на тематику афоризмов Арендт. По итогам конкурса в стенах, помнящих знаменитую выпускницу, прошла дискуссия об основных положениях политической философии Ханны Арендт в контексте проблем современного мира. В дискуссии приняли участие преподаватели БФУ им. И. Канта Дмитрий Полянский и Илья Дементьев, а также председатель Общества друзей Канта и Кёнигсберга Герфрид Хорст. Юным калининградцам уда-

² Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни / пер. В. В. Биbihина. СПб., 2000. С. 36.

лось не только высказать свои — временами наивные — суждения об истории и современности, но и узнать о драматичных обстоятельствах жизни выдающейся землячки. Едва ли случайно среди мест, хранящих память о Ханне Арендт, уцелела именно школа, где она училась. Школа, на стене которой, будем надеяться, еще появится мемориальная доска, увековечивающая память о знаменитой выпускнице.

Завершением «Года Ханны Арендт в Калининграде» стала прошедшая 4 декабря в конференц-зале Калининградского зоопарка международная конференция. Она была организована Балтийским федеральным университетом имени И. Канта в рамках того же Года культуры и литературы Германии в России при финансовой, организационной и информационной поддержке Генерального консульства Германии, в сотрудничестве с Генеральным консульством Республики Польша, администрацией города Калининграда, Гёте-Институтом в Санкт-Петербурге и Калининградским зоопарком. В конференции приняли участие такие исследователи творчества Арендт, как Александр Филиппов (НИУ «Высшая школа экономики», Москва), Вольфганг Хойер (Свободный университет, Берлин), Артемий Магун (Европейский университет в Санкт-Петербурге), Алексей Саликов (БФУ им. И. Канта), Герфрид Хорст (Общество друзей Канта и Кёнигсберга, Берлин), Анна Карпенко (Агентство поддержки культурных инициатив «Транзит», Калининград) и Адам Кшеминьски (еженедельник «Политыка», Варшава). Тексты докладов, прозвучавших на конференции, публикуются в настоящем издании.

Дата 4 декабря и место проведения мероприятия — Калининградский зоопарк — были выбраны далеко не случайно. Именно 4 декабря в 1975 году Ханна Арендт скончалась в Нью-Йорке. Калининградский зоопарк стал местом проведения конференции по той причине, что место, на котором стоял дом родителей Ханны Арендт по Тиргартенштрассе, д. 6 (ныне улица Зоологическая), находится буквально в нескольких десятках метров от конференц-зала, в котором прозвучали по-

священные ей доклады. Живая и любознательная девочка, юная Ханна не могла не посещать зоопарк, основанный в 1896 году в Кёнигсберге, а потому существующий по сей день «дом животных» является своеобразным местом памяти о мыслительнице, которая всю свою активную жизнь посвятила размышлению над тем, что есть человек. Кроме того, именно зоопарк в Калининграде, как некогда в Кёнигсберге, выступает излюбленным публичным пространством для его жителей, где люди встречаются, обсуждают актуальные темы, обмениваются информацией и просто общаются.

В рамках вечерней программы конференции в арт-клубе «Квартира» (ул. Сержанта Колоскова, д. 13) состоялась подиумная дискуссия на тему «Ханна Арендт: возвращение домой» (модератор — известная калининградская тележурналистка Светлана Колбанёва, участвовали Александр Филиппов, Артемий Магун, Алексей Саликов, Анна Карпенко), а также просмотр телевизионного интервью немецкого журналиста Гюнтера Гауса с Ханной Арендт, которое было снято немецким телеканалом ZDF в октябре 1964 года.

Как показали мероприятия 2014 года в рамках «Года Ханны Арендт в Калининграде», интерес к ее личности и творчеству есть, причем немалый. И более того, теперь можно с уверенностью сказать, что это имя перестало быть незнакомым для многих калининградцев. А значит, началось возвращение Ханны Арендт в город ее детства и юности, который она считала своим домом.

У тех, кому дорого имя одного из самых значительных мыслителей двадцатого столетия, впереди еще много работы на пути полноценного возвращения этого имени в родной город. Может быть, когда-то в Калининграде появятся и мемориальная доска, и школа имени Ханны Арендт, и одноименная улица. Улица имени человека, который всю жизнь протестовал против тирании и насилия, против тоталитаризма и *банальности зла*, против пассивности и конформизма.

Ханна Арендт, выпускница кёнигсбергской школы имени королевы Луизы, мучительно искала признаки *человечности в темные времена*. И ее богатый жизненный опыт, ее напряженная мысль, ее светлый образ, ее бескомпромиссность в отстаивании истины помогут любому, кто и в самые темные времена, когда трудно и страшно, считает своим долгом сохранять человечность. В эссе о Лессинге Ханна Арендт напоминает тему его пьесы «Натан Мудрый» — «Достаточно быть человеком», а также ее лейтмотив — «Будь моим другом!»

В любые времена нам, калининградцам, нужно помнить, что у нас есть такой друг, как Ханна Арендт. Друг, который, наконец, возвращается домой.

Алексей Саликов, Илья Дементьев

Анна Карпенко
(Калининград, Россия)

Город, история и сфера публичного: Арендт в Калининграде?

Рассматриваются вопросы о том, что объединяет Кёнигсберг и Калининград и что было и есть особенное в городе, давшего миру таких выдающихся мыслителей, как Иммануил Кант и Ханна Арендт.

This article considers the questions of what generally connects Königsberg and Kaliningrad, and what is especial in the city that gave the world such outstanding thinkers as Immanuel Kant and Hannah Arendt .

Ключевые слова: Кёнигсберг, Калининград, Иммануил Кант, Ханна Арендт, мультикультурность, полиэтничность, публичное поле.

Key words: Königsberg, Kaliningrad, Immanuel Kant, Hannah Arendt, multiculturality, polyethnicity, public field.

Город, история и сфера публичного: Арендт в Калининграде?

В своем выступлении мне хотелось бы перекинуть мостик от Кёнигсберга к Калининграду, в котором мы сейчас находимся, и подумать о том, как стало возможным в Кёнигсберге появление таких фигур, как Иммануил Кант и Ханна Арендт? Одна из причин, по-видимому, состоит в том, что в Кёнигсберге существовал такой контекст, в котором было возможно «иметь мужество пользоваться собственным умом». Еще до Канта эта местность приглашала к себе изгнанных по причине вероисповедания из других

земель. Восточная Пруссия стала прибежищем гугенотов, и именно эти люди создали возможности для ее развития. Многокультурность, полиэтничность, многообразие, которые здесь сложились исторически, создали открытый город и отчасти повлияли на появление в нем Канта, которому не нужно было уезжать далеко, чтобы понять весь мир.

Семья Ханны Арендт была укоренена в Кёнигсберге, срослась с его культурной традицией. Можно вспомнить одного интересного персонажа из семейства Арендт, ее тетю Генриетту, которая была социальным работником, борющейся с торговлей детьми. Биографы называли ее «бестактной, неженственной и прусской» (*taktlos, unweiblich und preussisch*), и это интересное сочетание качеств, наверное, передалось характеру и самой Ханны Арендт. Арендт чувствовала поддержку семьи во всех философских начинаниях и была необыкновенно смелым человеком, который мог формировать и выражать свои идеи вне зависимости от мнения истеблишмента. Арендт, как это видно из ее интервью¹, была человеком необычайно волевым и имевшим способность доносить свои идеи до публики. Безусловно, именно среда Кёнигсберга, в которой она выросла, во многом способствовала развитию этих ярких черт ее личности.

Кёнигсберг перестал существовать в 1945 году, к началу 1950-х годов полностью сменилось население, но что же осталось от старого города? Сохранилась ли преемственность в открытой атмосфере и особом городском характере? Есть основания полагать, что в городе сохранился паттерн многокультурного очага, в котором возможно зарождение и существование нового. С одной стороны, новой властью создавался город с чистого листа, образцовая советская область, «самый запад-

¹ См.: *Разговор* с Гюнтером Гаусом. Телевизионное интервью Ханны Арендт (октябрь 1964 года). Полный перевод интервью опубликован в журнале «Социологическое обозрение» и на портале gefter.ru: <http://gefter.ru/archive/9844>.

ный гарнизон». С другой — вновь прибывшие жители взаимодействовали с сохранившимся материальным и природным ландшафтом. Был очень важный период взаимодействия советских переселенцев с оставшимися немецкими жителями². Это повлияло на формирование тут более открытой среды, терпимой к отличиям и к новому.

В советский период властями прикладывались все усилия для того, чтобы Калининград был заштатным провинциальным городом. Для этого были приведены в действие все необходимые институциональные механизмы, начиная от образования и заканчивая, разумеется, собственно политической системой. В системе образования не было никаких изысков, кроме стандартной пары из педагогического и инженерного вузов и нескольких заведений по подготовке военных и рыбаков. Культурное поле тоже не отличалось многообразием — здесь никогда не было, например, своей консерватории или художественного училища. Специальность «философия» в местном университете возникла лишь несколько лет спустя Перестройки.

Однако наряду с серым советским фоном Калининград сумел приобрести и своеобразие, непохожее на другие города страны. Несмотря на то что это был закрытый военный город с большим количеством военнослужащих, он был портом, здесь было много моряков и рыбаков. Калининград был закрыт для граждан других государств, но сами калининградцы, особенно моряки, могли путешествовать и привозить с собой впечатления с другой стороны «железного занавеса». Рядом была «советская Прибалтика» с такими несоветскими Вильнюсом, Ригой и Таллином. Конечно, старый Кёнигсберг тоже не исчез, хотя материальные следы прошлого быстро разрушались. В то время как говорение о бывшем городе не было официальным, Кёнигсберг стал важной составляющей в самосознании интел-

²*Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / под ред. Ю. Костяшова. СПб., 2002.*

лигенции, культурных элит— когда Кёнигсберг вернулся в публичное поле в 1990-х годах, а кульминацией этого возвращения стало празднование 750-летия города в 2005 году. В 1990-е годы снова произошла частичная смена населения — более 30 % тех, кто живет здесь сейчас, приехали сюда в постсоветский период, в основном это были этнические русские из бывших республик Советского Союза. В силу всех этих обстоятельств город сохраняет черты открытого, многообразного места.

Имя Ханны Арендт практически отсутствует в современном публичном поле Калининграда. Эта конференция стала одним из первых важных шагов по возвращению Ханны Арендт в родной город. Краеугольные понятия ее политической теории, связанные с силой слова, публичной речи, кажутся особенно важными и актуальными для современной повестки дня, в которой самоорганизация граждан, возможность открытой и продуктивной коммуникации являются одними из первостепенных вопросов. Хочется надеяться, что открытие мира идей Арендт станет событием для современных горожан.

Список литературы

1. *Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах* / под ред. Ю. Костяшова. СПб., 2002.
2. *Арендт Х.* Разговор с Гюнтером Гаусом // Социологическое обозрение. М., 2013. Т. 12, № 1. С. 3—23.

Адам Кшеминьски
(Варшава, Польша)

**Вина и покаяние. Тоталитарные революции в Европе XX века.
К политической философии Ханны Арендт**

Рассматривается вопрос о сущности тоталитаризма и революций в работах Арендт. Делается попытка ответить на вопрос о влиянии тоталитарных революций на судьбу Польши и о значении идей Арендт для понимания сущности феномена тоталитаризма.

The article examines the nature of totalitarianism and revolution in the works of Hannah Arendt. The author also tries to answer the question about the influence of totalitarian revolutions on the destiny of Poland and the importance of Arendt's ideas for the understanding of the phenomenon of totalitarianism.

Ключевые слова: Ханна Арендт, Иммануил Кант, Карл Шмитт, революция, тоталитаризм, Польша, холокост, политическая философия.

Key words: Hannah Arendt, Immanuel Kant, Carl Schmitt, revolution, totalitarianism, Poland, Holocaust, political philosophy.

Ханна Арендт по сей день дает достаточно материала для беседы о важнейших темах европейской, да и мировой истории XX века. В последние годы ее книги начали выходить на русском языке. Балтийский федеральный университет чтит память этой жительницы Кёнигсберга, так что подобный разговор должен пойти легче. Похоже, вслед за Иммануилом Кантом Ханна Арендт совершит своего рода «духовное возвращение» в город на Прегеле.

© Кшеминьски А., 2015

© Колбанёва С., пер. с нем., 2015

Однако вначале я хотел бы коротко представиться. Я родился в 1945 году, изучал германистику в Варшаве и Лейпциге, ни разу в то время не сталкивался с текстами Ханны Арендт. Моя внутривосточная социализация началась во время «польского октября» 1956 года, внешнеполитическая — во время восстания в Венгрии, прихода Кеннеди, строительства Берлинской стены и германо-польского спора о границе на Одере и Нейсе.

Важнейшие темы того времени, которые исследовала Ханна Арендт, — революция, тоталитаризм, вопрос вины — до нас, двадцатилетних, доходили уже отфильтрованными через цензуру, языковой барьер и настроение польской интеллигенции, бывшее скорее литературным, нежели философским. Положение изменилось в 70-х годах, после подавления протестов рабочих и после того, как Польша довольно широко открылась в сторону Запада вследствие политики разрядки. Основополагающими, указывающими дорогу стали теперь философские сочинения, а не беллетристика; они определяли содержание внутривосточных дебатов в образованных кругах. Перевод солженицынского «Архипелага ГУЛАГ» на польский язык был напечатан в Париже почти одновременно с развенчанием марксизма в «Основных течениях марксизма» Лешека Колаковского. Обе книги взрывали моральные и философские основы системы. В сухом остатке — голая реальная политика, экономика и «советские танки в качестве аргумента», как писали Яцек Куронь и Кароль Моджелевский в 1965 году в письме в ПОРП, за что оба были приговорены к тюремным срокам. Их мечтой была «финляндизация» Польши.

Разверстая историко-философская дыра пробудила интерес к альтернативным польским философам. Свертывание оппозиционных группировок в ПНР сопровождалось переводами философов «критической теории» — Герберта Маркузе, Юргена Хабермаса, Теодора Адорно, таких книг, как «Бегство от свободы» Эриха Фромма, «Вопрос о вине» Карла Ясперса или «ЛТИ. Язык третьего рейха» В. Клемперера — превосходное исследование языка тоталитарного режима.

Случай Хайдеггера — его вступление в НСДАП и послевоенный отказ дистанцироваться от этого заблуждения — обсуждался публично. Я переводил и анализировал в журнале «Политыка» его знаменитое прощальное интервью журналу «Шпигель». Это ни в коем случае не было любопытством зевак, напротив, это был мысленный эксперимент на пути к нашему новому самопоиску. Как должна выглядеть польская «критическая теория», существует ли польское «бегство от свободы», как обращаться с собственным пропагандистским языком или как относиться к «вопросу о вине», когда вскрыется в Польше случай, подобный хайдеггеровскому?

Новые философские подходы, появившиеся в 1980 году, совпали по времени с «самой себя ограничившей революцией» (слова Яцека Куроня) движения «Солидарность», которое не укладывалось в марксистско-ленинские рамки, хотя тут пролетарии — как по учебнику основ марксизма — поднялись против угнетения и эксплуатации со стороны «нового класса». Бастующие не ставили вопрос о власти. Страна входила в Варшавский договор, а в 1974 году «доктрина Брежнева» была даже вписана в Конституцию.

Но с легализацией «Солидарности» монополия партии на власть была нарушена. Военное положение, которое генерал Ярузельский ввел 13 декабря 1981 года, не смогло уничтожить польскую революцию. Он лишь на несколько лет ее заморозил. В этом «холодильнике» военного положения и состоялось интенсивное открытие политической философии Ханны Арендт. Первые публикации появились в католическом журнале «Знак» летом 1981 года. В Варшавском институте германистики в то же время обсуждали тексты Арендт о революции, насилии и анархии. В свою очередь, оппозиционные социологи были захвачены ее работами о тоталитаризме. Адам Шосткевич недавно сказал мне, что для него, либерально-консервативного католика с высшим образованием, в ходе его внутреннего конфликта относительно антисемитизма в Польше решающее значение имела книга Ханны Арендт о тоталитаризме.

Он перевел большие фрагменты текста для самиздата. Вскоре он переводил уже «книгу об Эйхмане», которая вышла в 1987 году в издательстве «Знак» и стала бестселлером.

*Habent sua fata libelli*¹. «Истоки тоталитаризма» вышла в Польше в 1988—1989 годах в самиздате одновременно с книгой Карла Поппера «Открытое общество и его враги». Рассуждения Арендт о революции превосходно сочетались с настроением многих лидеров польского перелома. И — да позволено будет мне озвучить этот тезис — если бы в 1989 году она еще была жива (Арендт умерла в 1975 году), то как раз в Польше она бы, вероятно, нашла приближение реальной революции к идеальной в ее представлении. Потому что эта революция сама себя ограничивала. Именно потому, что она не была путчем «авангарда», то есть меньшинства. И потому что она лишила *ancien régime*² власти путем переговоров, не прибегая к «суду мести победителей».

Ханна Арендт верила, что некоторые элементы подобной революции осуществились в первые дни венгерского восстания 1956 года. Вероятно, ей бы понравилась формула «самоуправляемой республики» Яцека Куроня. Но можно только предполагать, как бы она оценила революции 1989 года в Восточной и Центральной Европе со всеми их аспектами — с Афганистаном, Горбачёвым, Рейганом и папой Иоанном Павлом II.

Философская «лихорадка Арендт» продлилась в Польше около двадцати лет. Альманах Арендт «Литература мира» 1985 года с эссе о Ванзейской конференции, о понятии правды в политике, а также с эссе о жизни созерцательной и деятельной — превосходно отвечали «духовной ситуации времени» в Польше. В 90-е годы и на рубеже столетий были опубликованы практически все ее работы, эссе, а также биографии, например «Ханна Арендт» Вольфганга Хойера или «История одной любви» Антони Груненберг о сложных взаимоотно-

¹ Книги имеют свою судьбу (лат.). — *Прим. пер.*

² Старый режим (фр.). — *Прим. пер.*

шениях с Мартином Хайдеггером, который был какое-то время ее учителем и любовником и контакт с которым она сохранила до самой смерти.

В 2013 году Ханна Арендт стала в Польше фигурой масштаба благодаря постановочно-документальному фильму израильской писательницы Савион Либрехт. Фабула проста: интервью с женщиной-философом для израильского телевидения, в котором речь идет об Эйхмане, снятое незадолго до ее смерти, противопоставляется образам-воспоминаниям о ее любви к Хайдеггеру. Можно было бы злопыхательно вернуть, что если кто-то становится мячиком в руках СМИ, он перестает быть «учителем-мыслителем». Нестыковки в частной жизни становятся важнее, чем здание его мыслей.

Что-то подобное случилось и в Польше с образом Ханны Арендт. Ее книги в наличии есть. В кинотеатрах показывают художественный фильм о ней. Но для молодых национал-консерваторов, которые задают нынче тон в политическом дискурсе, более актуален Карл Шмитт, нежели она. И не только в Польше. Теоретик мышления «друг-враг» в категориях зон влияния, похоже, больше угадал чаяния времени, чем философ, которая подавала пример либеральной мысли.

Прорыв в Соединенных Штатах она совершила в 1951 году, когда появились «Истоки тоталитаризма». Она доказала, что тоталитаризм разрушает основы западной цивилизации и что даже после исчезновения национал-социализма он остается скрытой угрозой для мира — в его сталинской форме. Такова была работа философа, аргументировавшего то как историк, то как социолог или ученая-политолог.

Предпосылкой к тоталитаризму, писала она, было падение классового общества. Не будь массового общества, не было бы и тоталитарного движения, которое, в свою очередь, служит предпосылкой для тоталитарного государственного устройства. Массы, по словам Арендт, состоят из «отчаявшихся, наполненных ненавистью индивидуумов». Люди, разобщенные и утратившие связи друг с другом, следуют за фюрерами,

за вождями, от которых они ожидают исцеления. «Без вождя масса — это просто стая, без масс вождь — пустышка»³. Но решающим для динамики тоталитаризма являются «союз сброда и элиты» и подогрев масс. Интеллектуалы как в Третьем рейхе, так и в СССР легко мирились с самыми фантастическими фальшивками и историческими фальсификациями, придуманными тоталитарной пропагандой.

По Арендт, неизменными условиями тоталитарного режима выступают идеология и направленная организация, поскольку они — как в войну — постоянно приводят массы в движение. Вожди провозглашают «железные законы» истории. Предпосылкой для тоталитарной массовой пропаганды является бегство от действительности в мир идеологической иллюзии. И вот уже реальные проблемы истолковываются как следствие вражеских происков — тайного заговора и скрытой агрессии. Квинтэссенцию тоталитаризма Арендт видела в концлагерях и лагерях смерти. «Убийство, — писала она, — происходит здесь совершенно не глядя на личность, как будто давят мух или комаров»⁴.

То, что концлагеря были созданы для того, чтобы в кратчайшие сроки разрушить человеческую защитную оболочку узников, подтверждает польский социолог Анна Павельчинска, пережившая Освенцим, в исследовании «Ценности и насилие», которое она опубликовала в 1973 году на основе собственных наблюдений. В лагере человек сохранял лояльность только по отношению к своей конспиративной группе, потому что от этого зависело, сможет ли он выжить.

Еще один поляк, переживший Освенцим, Тадеуш Боровски, представил этот механизм намеренного обезчеловечения пленных в своих освенцимских рассказах: «Скажите всю правду о том, как вы выжили, потому что украли у соседа по-

³ *Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. München, 1986. S. 527.*

⁴ *Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. München ; Zürich, 1993. S. 682.*

следний кусок хлеба», — писал он. От своего отца Боровски знал о реалиях советских лагерей, однако все равно стал сталинистом. В 1951 году он покончил жизнь самоубийством, отравившись газом...

Для Чеслава Милоша, ставшего позднее лауреатом Нобелевской премии, поэта и бывшего дипломата ПНР, Боровски стал одной из главных фигур в сведении счетов с «порабощенным разумом» сталинизма — так звучало название его книги на немецком языке⁵ — фигур польских интеллектуалов, зараженных «гегелевским вкусом», которые если и не приукрашивали коммунистическое господство насилия, то, как минимум, усваивали его и начинали относиться к нему рационально.

Когда в 1951 году Милош отправился в изгнание, холодная война была в зените. В Корею она протекала в форме военных действий, а на конгрессах по культуре во Вроцлаве в 1948 году и в Брюсселе в 1950 году война шла в форме культурно-политических и интеллектуальных дебатов. Оруэлл со своим «1984», Иньяцио Силоне, Артур Кёстлер, позднее Милован Джилас разоблачали тоталитарную сущность коммунистического режима.

Трудно сказать, какое вдохновляющее влияние оказала на Чеслава Милоша книга Ханны Арендт о тоталитаризме. Благодаря посредничеству Жанны Эрш, которая, как и Ханна Арендт, училась у Карла Ясперса, они встретились. Но, хотя Милош с его романом «Завоевание власти» в своих размышлениях о природе зла в истории во многом соглашался с мыслями Ханны Арендт, более глубокого знакомства между ними не произошло. Оба говорили на английском и французском, но их мыслительные процессы были очень укоренены в родных языках — немецком и польском — и чересчур направлены на принципиально разнополюсные экзистенциальные драмы их собственных народов — жертвы и пособника.

⁵ Оригинальное польское название книги Милоша — «Zniewolony umysł». В переводе на немецкий язык она вышла под названием «Verführtes Denken». — *Прим. пер.*

Книга о тоталитаризме проложила для Ханны Арендт путь к ведущим американским и западноевропейским журналам. В 50—60-х годах она опубликовала эссе о таких философах XIX века, как Кьеркегор, Ницше и Маркс, позже эти эссе вышли в сборнике «Между прошлым и будущим». В двух крупных исследованиях о революции и о насилии она рассматривала ленинскую работу «Государство и революция». Американскую революцию она предпочитала французской.

Британский марксист Эрик Дж. Хобсбаум подозревал в этом дань уважения к стране, где в 1941 году она нашла пристанище, будучи беженкой из Германии и Франции. Но у нее была мощная доказательная база. Американская революция создала республиканскую систему свободы, хотя американский «ситуайен», гражданин, как она сама жаловалась, скукожился до размеров мелкобуржуазного потребителя. Однако Французская революция вообще промахнулась мимо свободы, потому что при Робеспьере началось господство террора. После революций в Восточной и Центральной Европе 1989 года известный французский историк Франсуа Фюре в работе «Прошлое одной иллюзии»⁶ косвенно признал правоту Ханны Арендт.

Становится очевидным, почему в 1989 году труды Ханны Арендт были в Польше так популярны. Ее указание, что возможны свободные ненасильственные революции, которые будут совершаться путем переговоров между свободными людьми, вполне соответствовало реальности «круглых столов» и переходных периодов с полусвободными, но тем не менее вполне аутентичными выборами. С этой точки зрения 1989 год в Центральной и Восточной Европе был гораздо более «американским», нежели «французским», несмотря на гласность и Перестройку.

Лех Валенса нашел для этого совершенно ясное высказывание, когда он начал выступление в Конгрессе США словами преамбулы к американской конституции «Мы, народ...» („We,

⁶ *Furet F. Le Passé d'une illusion. Essai sur l'idée communiste au XXe siècle. P., 1995.*

the People⁶). Председатель «Солидарности», независимого профсоюза, который выстоял во время военного положения и насчитывал восемь миллионов членов, — в этой фразе ни в коем случае не было плагиата. За исключением казни Чаушеску в Румынии, освобождение Центральной и Восточной Европы от коммунизма обошлось без расстрельных команд. Борис Ельцин выдал Эриха Хонеккера объединенной Германии — в Берлине его отдали под суд за приказ стрелять на границе ГДР, приговорили и после частичного отбытия наказания отпустили в чилийскую ссылку. В Польше Тадеуш Мазовецкий, первый некоммунистический премьер-министр, словами о «жирной черте», которую следует провести, чтобы отделить прошлое, завершил многолетние жаркие споры о том, можно ли действительно оставить безнаказанными пособников старого режима (*ancien régime*). Двадцать лет спустя радикально-консервативный поэт Ярослав Марек Рымкевич сказал, что историю питает лишь кровь, пролитая в братоубийственной борьбе.

Однако Третья Польская Республика нашла соломоново решение. Хотя генерала Ярузельского, «архитектора» военного положения в 1981 году, но и создателя «круглого стола» в 1989-м, все же судили, юристы не выносили никакого суждения о его исторической роли. До самой смерти он жил в Варшаве, часть поляков его уважали, в том числе и его бывший политический заключенный Адам Михник, а часть — открыто презирали.

Ханну Арендт восточный блок интересовал лишь постольку-поскольку. Ни прорыв «Солидарности», ни возникновение самиздата в СССР, ни гражданско-правовые и общественные инициативы в ЧССР и ГДР ей не довелось увидеть или как-то с этим столкнуться. По понятным причинам взор ее был направлен в основном на Германию, на историческое осознание ответственности и вины за геноцид европейских евреев.

Она сопротивлялась видению национал-социализма как следствия германской истории мысли, хотя такое видение было весьма соблазнительным. «Так называемая “германская проблема” не является германской проблемой, — писала она, —

совершенно ошибочно объяснять нацизм особыми чертами немецкого характера или пытаться вывести его из германской традиции. Нацизм не является частью западной традиции, будь он немецкий или чей-то еще, католический или протестантский, греческий или римский. Ни Фома Аквинский, ни Макиавелли, ни Кант, Гегель, Ницше — и этот список литературы по немецкой проблеме можно продолжать бесконечно — не могут нести ни малейшей ответственности за то, что происходило в немецких лагерях смерти»⁷. Нацизм был для нее закатом всех немецких или европейских традиций.

Всю жизнь она чувствовала свою связь с немецкой культурой. Продолжая дружбу с Хайдеггером после 1945 года, она таким образом отдавала дань не только старой любви, но и связи с его философией — и благодарности за его красноречие. Она писала на английском языке, но думала по-немецки — немецкие переводы своих работ она правила, дополняла и уточняла настолько, что их, в принципе, можно считать первоисточниками. И она защищала тех интеллектуалов, которые в «смутные времена» умели самоутвердиться, не поддаваясь соблазну.

Конечно, уже во время жизни в Кёнигсберге ей было ясно, что она — еврейка. Семья Арендтов была ассимилированной. Ее еврейское происхождение стало представлять собой проблему лишь к концу ее учебы. Она как раз писала работу о Рахель Фарнхаген, когда 27 февраля 1933 года был совершен поджог рейхстага, и последовавшие за этим событием неприкрытое насилие и переход многих немецких интеллектуалов на сторону нацистов шокировали ее. По поручению сионистской организации она документировала антисемитские выходки, ее арестовали, но вскоре выпустили. Через Прагу она бежала в Париж, а после оккупации Франции в 1941 году попала в США. Ключ к ее пониманию ситуации евреев в Германии Курт Зонтхаймер находит в двух последних главах книги о

⁷*Arendt H.* Das 'deutsche Problem' ist kein deutsches Problem // In der Gegenwart. München, 2000. Anm. 1.

Фарнхаген «Между парией и парвеню» („Zwischen Paria und Parvenü“) и «От еврейства не уйти» („Aus dem Judentum kommt man nicht heraus“): социальный выскочка, который вертится и изворачивается как может, чтобы продвинуться вперед в бюргерском обществе, получить признание. Она сознательно сохранила эту роль и одновременно подвергла ее критическому анализу.

Ярче всего это проявилось в ее книге об Эйхмане. В апреле 1960 года израильские спецслужбы похитили и вывезли в Иерусалим бывшего оберштурмбанфюрера СС Адольфа Эйхмана. Ханна Арендт написала серию репортажей о процессе. В 1964 году они вышли в форме книги и вызвали невероятную волну споров среди еврейских интеллектуалов в Америке и Израиле.

Критика концентрировалась вокруг нескольких пунктов: во-первых, ее критиковали за подзаголовок «Банальность зла» (книга называется «Эйхман в Иерусалиме»), во-вторых, автора критиковали за суждение о сопричастности, совиновности так называемых «юденратов»⁸, органов самоуправления в гетто, учрежденных по инициативе нацистов, в-третьих, критики выступали против ее оценки юридической правдоподобности процесса — она поддерживала смертный приговор, но порицала показательный характер процесса, устроенный в интересах израильского правительства.

Ханну Арендт обвинили в немецко-еврейском высокомерии, своего рода «еврейской ненависти к самим себе». Говорили, что она бессердечно и бесчувственно относится к судьбе еврейского народа. Мол, только моральным чванством можно объяснить, почему она довольно мягко отзывается об Эйхмане, но при этом очень жестко пишет о евреях. Сорок лет спустя буря в основном улеглась. До тех пор, пока фильм режиссера Маргареты фон Тротта не напомнил о ней.

⁸ Юденрат (нем. Judenrat, мн. Judenräte — «еврейский совет») — в годы Второй мировой войны административный орган еврейского самоуправления, который по инициативе германских оккупационных властей в принудительном порядке учреждался в каждом гетто для обеспечения исполнения нацистских приказов, касавшихся евреев.

Расположение протагонистов в фильме «Ханна Арендт» демонстративно. С одной стороны, женщина, в мышлении которой «нет препятствий», а с другой — кабинетный чинуша, который говорит сплошные банальности, утверждая, что лично он никого не убивал, а всего лишь выполнял приказ. Не монстр, а «самый обычный человек». В этом состоял тезис Ханны Арендт.

Эта точка зрения не была новой. Уже в 1938 году Томас Манн использовал выражение «братец Гитлер», говоря о «немецком брате». И возможно, книга «Эйхман в Иерусалиме» не вызвала бы такого возмущения, если бы тезис о «банальности зла» не был увязан с каверзным вопросом о степени вины еврейских советов — юденратов. Многие критики книги были возмущены тем, что в глазах Арендт убийца выглядел клоуном, а его жертвы — пособниками убийств. Философ и теолог Гершом Шолем обвинил ее в отсутствии веры и любви к еврейскому народу, на что она ответила предложением, которое уже стало классикой: она любит только конкретных людей, а не народы или нации. Об этом и идет речь в фильме.

Тротта хотела воздвигнуть своего рода кинопамятник Ханне Арендт, но она оживила давний конфликт. В журнале «Нью-Йоркское книжное обозрение» („New York Review of Books”) Марк Лилла еще раз обратился к спорным моментам книги. Он указал, что сама Арендт позже дистанцировалась от своей удобной формулы банальности зла и что позднейшие биографии Эйхмана разоблачали ее неверный образ Эйхмана. Он не был бессердечным возницей смерти, наоборот, был пылким антисемитом и вероломно, до мельчайших деталей планировал еврейское мученичество.

Остается открытым вопрос, действительно ли Арендт оказалась обманута одной из масок Эйхмана, которые он придумал, чтобы избежать виселицы, или же она вошла в зал суда, уже держа в голове готовую схему. Доказательством этого была бы утайка уже опубликованных тогда признаний Эйхмана, сделанных голландскому эсэсовцу: «Я был не только тщательным бюрократом, но и фанатичным борцом за чистоту

крови... То, что хорошо для моего народа, является священной заповедью и законом для меня... Я был бы рад, если бы нам удалось убить десять миллионов евреев. Тогда я мог бы сказать, что мы избавились от врага...»⁹

Лилла отдает дань уважения заслугам Ханны Арендт в попытке продемонстрировать и понять все элементы «окончательного решения еврейского вопроса», которые соединили палачей и их жертвы. Но ее честолюбивое желание найти схему размышления, которая позволила бы понять и осудить весь этот ужас, повело ее ошибочным путем. Эйхман смог обхитрить ее, считает Лилла, потому что она хотела справиться с ним при помощи хайдеггеровского интеллектуального инструментария, по которому в близкой человеческой массе лишь мышление обеспечивает «аутентичность». Она была убеждена, что через понимание опыта нацизма можно от него избавиться. Но холокост нельзя ни понять, ни объяснить. Его можно только документировать.

Именно такую конструкцию избрал Клод Ланцман для своего шокирующего документального фильма. В том же «Нью-Йоркском книжном обозрении» он признался, что рассматривал свой фильм «Шоа / Shoah» как прямую полемику с тезисами Ханны Арендт. Во время многолетних исследований и съемок для «Шоа» его железным принципом было «Не-понимание» — единственно возможная моральная позиция по отношению к холокосту.

Свой последний фильм — о единственном члене юденрата, дожившем до наших дней,— Ланцман также снял как сознательную полемику с Ханной Арендт. Но на этот раз он хотел понять. В основе фильма — подробное видеинтервью Бенямина Мурмельштейна, последнего председателя юденрата лагеря Терезиенштадт, которое Ланцман записывал в течение недели в 1975 году. Мурмельштейн ничего не отрицает, но подчеркивает, что не он, а Эйхман диктовал условия. Если бы он, Мурмельштейн, не взял на себя эту роль, было бы убито

⁹ *Wojak I. Eichmanns Memoiren — Ein kritischer Essay. Frankfurt a/M., 2001. S. 63.*

еще больше людей. Ханна Арендт использует прямо противоположный аргумент — без еврейских советов-юденратов машина убийств начала бы давать сбой.

Мурмельштейн не подвергался суду и не был приговорен. Его арестовали в Чехословакии, но отпустили без процесса. Еврейские общины презирали его, во время эйхмановского процесса его не вызывали в качестве свидетеля. После его смерти не был прочитан кадиш¹⁰, и ему было отказано в упокоении рядом с могилой жены. В беседе он признался, что его одинаково презирали и евреи, и нацисты. Он считал себя кем-то вроде Шехерезады, которая рассказывала сказки смертникам, чтобы укрепить их жизненную силу, но в то же время он помогал сохранять ход машины убийств. Эта игра его действительно возбуждала. В 1939 году он мог остаться в Лондоне, куда отправился с соизволения Эйхмана, чтобы договориться о выезде венских евреев. Однако он вернулся и стал «последним из неправедных». В конце фильма Ланцман кладет руку ему на плечо.

Преступление и наказание, вина и покаяние в эпоху тоталитарных революций — великая тема XX века. Как измерить их, как с ними обращаться, такой сложный вопрос возник после победы над Третьим рейхом, и он же вновь возник после крушения коммунизма. Нюрнбергский процесс лишь условно установил масштабы. Моральный шок Германии, на который была надежда, потерял часть своей силы, потому что этот процесс был «судом победителей», на котором победители замалчивали свои собственные преступления — такие, как массовые расстрелы польских военнопленных и членов семей польских руководителей, совершенные НКВД. Стандартная процедура денацификации была доведена до абсурда, когда все четыре оккупационные власти стали принимать на работу нацистов, если те оказывались послушными сотрудниками.

Спорной оказалась и личная «самоденацификация». Карл Ясперс, наряду с Хайдеггером бывший вторым большим учи-

¹⁰ Кадиш — еврейская поминальная молитва. — *Прим. пер.*

телем и другом Ханны Арендт, в 1946 году написал свою потрясающую книгу и помог немцам справиться с их личным «вопросом вины». Он рассматривал четыре категории вины:

Во-первых, криминальная: я убивал своими руками, то есть был сознательным и активным соучастником организованного убийства — это относится к компетенции суда.

Затем политическая вина: я испытываю ее как член преступных организаций, потому что я участвовал в создании этой человеко ненавистнической системы и в подавлении ее противников — последствия должны определить победители.

Моральная вина: я был попутчиком, закрывал глаза на преступления других — и, хоть вина эта ненаказуема, я не имею права устраняться, ответственность за произошедшее остается. Ни одна государственная структура не может дать мне отпущение грехов — а только те, в отношении которых совершалась несправедливость.

И наконец, вина метафизическая. Она затрагивает тех, кто внутренне был против, но не имел силы, чтобы оказать открытое сопротивление. «Мы, которые выжили... предпочли остаться в живых, по той слабой, хоть и верной причине, что наша смерть никому бы не помогла. Наша вина в том, что мы живы». Таким образом он выступил против «коллективной вины» и заменил ее — можно сказать и так — на заповедь «коллективного стыда».

Было бы уместно указать на нестыковки в том, как Ханна Арендт рассуждает о вопросе вины. Несмотря на формальные сомнения, она высказалась за смертную казнь для Эйхмана. Его криминальная и политическая вина была очевидна. Она явно примирилась с молчанием Хайдеггера о его собственной моральной вине. В отношении более чем метафизической вины некоего Бенямина Мурмельштайна она воздержалась от высказывания, израильский суд также не захотел расследовать это дело. Но моральная вина еврейских коллаборационистов была включена в контекст ее представлений о «банальности зла» без достаточного указания на их вынужденное положение — и как раз об этом говорит Ланцман в фильме о «последнем из неправедных» Бенямине Мурмельштейне.

Моральная философия Ясперса, которую разделяла Ханна Арендт, сопровождала немецкое «преодоление прошлого» в 50—60-е годы — независимо от его (и ее) неверных оценок развития Федеративной Республики Германии. Так, создание большой коалиции с Вилли Брандтом на посту министра иностранных дел они оба рассматривали как возможное отступление к антидемократическому прошлому...

Вопрос немецкой вины и покаяния получил в 60-е годы историко-философское и актуально-политическое измерение: процессы над палачами Освенцима в 1963—1965 годах сопровождались «фишеровскими дебатами» о немецком «рывке к мировому господству», следствием вопроса военной вины 1914 года и германо-французского примирения в 1963 году стало моральное обоснование неизбежного признания границы на Одере и Нейсе в так называемом «Восточном меморандуме» евангелической церкви в 1965 году. Последовавшее за этим письмо польских епископов своим немецким собратьям показало моральное измерение Восточной политики¹¹. Фраза «мы прощаем и просим о прощении» звучала в унисон с классификацией, данной Ясперсом. Представители народа, подвергшегося нападению и поруганию, предлагали прощение и в то же время указывали на преступления самих жертв.

Коленопреклонение Вилли Брандта в Варшаве было воспринято как немой ответ на этот жест. Канцлер ФРГ преклонил колени перед памятником гетто, но в связи с отказом от притязаний на территорию Восточной Германии в пользу польского государства этот жест воспринимался как знак по отношению ко всем жертвам немецкой военной агрессии в Польше...

От политической философии Ханны Арендт ускользнула важность германо-польских взаимоотношений. Несмотря на свою кёнигсбергскую юность, она всю свою жизнь оставалась

¹¹ Ostpolitik (нем.) — «Восточная политика» — политика Федеративной Республики Германии, направленная на нормализацию отношений с Советским Союзом, Германской Демократической Республикой, Польшей и другими странами коммунистического блока начиная с 1966 года.

западной европейкой. В книге о тоталитаризме она упоминает пакт между Гитлером и Сталиным, но ее анализ касается прежде всего внутривнутриполитических структур тоталитарных империй. Однако прорыв в отношениях именно этих двух соседей — Германии и Польши — дал самый важный импульс к историческим преобразованиям в этой части Европы.

Таков обоснованный тезис именитого немецкого историка Генриха Августа Винклера, высказанный в его «Истории Запада». Революция 1989 года в Центральной и Восточной Европе разрешила два столетних «европейских вопроса» — «немецкий» (вопрос единства) и «польский» (вопрос свободы). Впервые с XVIII века интересы обеих наций не были противоположны друг другу, между ними не было экзистенциального противоречия, наоборот, они друг друга дополняли, потому что теперь в Центральной и Восточной Европе не распоряжались тоталитарные или авторитарные империи, а главенствовала демократическая воля народов.

Разумеется, в 1989 году в Польше охотно зачитывались книгами Ханны Арендт. С интеллектуальной точки зрения это была «ее» революция. Правда, ее теория тоталитаризма получила расширение. В книге «Марксизм и прыжок в царство свободы. История коммунистической утопии» (1996) Анджей Валицки, профессор Варшавского университета и университета Нотр-Дам в США, подчеркивал, что теория тоталитаризма должна быть расширена путем анализа ступеней или этапов детотализации в соответствующих странах, а в 1951 году Ханна Арендт не могла этого предвидеть. Речь идет об Оттепели в СССР после смерти Сталина, о тайном докладе Хрущёва в 1956 году, о «полутоталитарных» переходных стадиях, как «гуляшный коммунизм» Яноша Кадара в Венгрии или «предемократический авторитаризм» Ярузельского в Польше, который параллельно с горбачёвской Перестройкой вводил структурные реформы, конституционный суд и институт уполномоченных по правам человека, а в 1987 году даже осмелился провести референдум, который тут же и проиграл. Но даже эта поправка не ослабила принципиальную структуру ее теории тоталитаризма.

Конечно, возникает вопрос о том, где же мы сейчас. Революция совершилась в 1989 году; сейчас, двадцать пять лет спустя, перешла ли она в «бонапартистскую» фазу, когда насилие и стремление к власти через республиканские договоренности берут верх над кантовским «вечным миром»? Оказалась ли Ханна Арендт в тени Карла Шмитта?

Через двадцать пять лет после Великой французской революции Венский конгресс навязал Европе «Священный союз» консервативных супердержав, которые поделили между собой государства и нации, а вскоре после этого — с помощью «Карлсбадских решений» — ввели антилиберальные и антидемократические законы. Их следствием стали революции, восстания, освободительные и пограничные войны. Девятнадцатый век в Европе, исполненный открытых «немецких», «польских», «итальянских», «греческих» и «балканских вопросов», был весьма далек от того «ясного чистого мира», как его пытаются представить авторитарные политики. Лето 1914 года не было ни «первичной катастрофой», ни лунатическим бредом восьмидесяти неспособных руководителей». Запалы мировой войны были заложены в 1815 году в Вене, но истоки европейской катастрофы в этой части континента возникли еще раньше, а именно в тот момент, когда нарождавшиеся супердержавы разрушили правовой порядок, который был установлен в 1648 году в Вестфальских мирных договорах.

Лакмусовой бумажкой этой катастрофы стала делегитимизация и уничтожение польско-литовского союза, который, как считает Норман Дэвис, был содружеством народов, но в силу своей безоружности представлял собой подходящий объект для завоевания и аннексии. Попытка его реформы была прервана военным вмешательством извне, пропаганда заклеила его как анархию и якобинскую опасность, лишив легитимности, наконец, он был уничтожен. Великий кёнигсбержец Иммануил Кант в работе «К вечному миру» критиковал раздел Речи Посполитой. Подданный прусского короля и один из сообщников, он выразил свою критику в завуалированной форме, не называя жертвы, но он все-таки это сделал.

Ханна Арендт, другая кёнигсбержка, разоблачала германский и советский тоталитаризм, не углубляясь в подробности его власти в Польше. Она преклонялась перед венгерской революцией 1956 года, но лишь 1989 год подтвердил правильность ее мысли. «Солидарность», Перестройка, круглые столы, массовое бегство жителей ГДР на Запад и длинный список претендентов на членство в евроатлантических структурах доказывают, что именно она, а не Карл Шмитт, лучше уловила дух времени на переломе тысячелетий. Подтвердится ли истинность этого суждения в 2015 году, покажет время. Наступает очередной год юбилеев. Грядут юбилеи продиктованных победителями мирных договоров в Вене, Версале, Потсдаме — и близится юбилей осознания вопроса о собственной вине...

Пер. с нем. С. Колбанёвой, под ред. А. Н. Саликова

Список литературы

1. *Arendt H.* Das 'deutsche Problem' ist kein deutsches Problem // In der Gegenwart. München, 2000. Anm. 1.
2. *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. München ; Zürich, 1993.
3. *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. München, 1986.
4. *Furet F.* Le Passé d'une illusion. Essai sur l'idée communiste au XXe siècle. P., 1995.
5. *Wojak I.* Eichmanns Memoiren — Ein kritischer Essay. Frankfurt a/M., 2001.

Артемий Магун
(Санкт-Петербург, Россия)

Революция у Арендт и судьба революций в наше время

Рассматривается понятие революции, его история. Делается особый акцент на понимании феномена революции в книге Арендт «О революции». Помимо этого в работе значительное внимание уделяется характеристике и сравнительному анализу различных революций, начиная с Великой французской и Американской революции вплоть до последних революций в арабских странах и на Украине.

The article discusses the concept of revolution, its history. The author makes a particular emphasis on understanding the phenomenon of revolution in Arendt's book "On Revolution". Besides that considerable attention is paid to the characterization and comparative analysis of various revolutions, beginning from the the French and American Revolutions until the last revolutions in the Arab countries and Ukraine.

Ключевые слова: Ханна Арендт, революция, Великая французская революция, Американская революция, Арабская весна, тоталитаризм, публичное пространство, национальная идентичность революций.

Key words: Hannah Arendt, revolution, French revolution, American Revolution, Arab spring, totalitarianism, public space, national identity of revolutions.

В книге «О революции», написанной в разгар холодной войны, Арендт указывает, что дух революции, породивший современные либерально-демократические государства, рискует сегодня улетучиться из них. Поэтому она считает своей задачей напомнить о революционных событиях, лежащих в

истоках современности, как о наследии публичной свободы и коллективного действия. Событийность важна здесь, потому что она указывает на момент разрыва времени и начинания, инвенции нового. Но событие указывает еще на что-то: на силу истории, которая формирует государство, но перед этим рушит то, что было — создает пертурбацию, вводит в экстаз. Поэтому Арендт отсылает не только к политической свободе, но и к страстному движению, которое предшествует рациональному политическому субъекту. Но здесь есть некоторая двойственность. В начале книги «О революции» Арендт рассказывает о стихийных (*elemental*) аспектах понятия революции. Следуя средневековой фортуне, идея переломного оборота судьбы несла астрологические коннотации, и во время Французской революции, несмотря на определенное приземление понятия, все равно сказывалось это стихийное значение, которое Арендт прежде всего связывает с неодолимостью и необходимостью события. Цитируя Камилла Демулена, она вспоминает словосочетание «*torrent revolutionnaire*», революционный поток. Это помогает ей описать мощь событийности, заложенную в понятии, но в то же время она критически оценивает этот смысл. Она считает, что стихийное понимание мешает революционерам осознать собственную деятельную роль и свободу, а соединившись с сентиментальной симпатией к бедности (нужде), порождает вредную веру в неизбежность происходящего. И это ведет к проигрышу революции. То есть хотя книга и называется «О революции», с самого начала выясняется, что «революция» — не самый удачный термин, который во многом отвечает за политический проигрыш.

Однако в конце книги, когда Арендт переходит уже к XX веку, тема стихийности по-своему возвращается. Несмотря на поражение Французской революции, она выживает как своеобразная традиция и порождает глобальные «волны» революций. В XX веке ее наследие прежде всего воплощается в повторяющемся феномене создания местных институтов самоуправления — «советов». Начиная с Парижской коммуны, затем в 1905-м, 1917-м в России, в 1918-м в Германии, в 1919-м и 1956 году в Венгрии и так далее — всюду создаются «Сове-

ты». И для Арендт это очень важно, означая, что революция не просто основание либеральной демократии, но имеет свои учредительные институты — к сожалению эфемерные, но не обреченные быть таковыми. И хотя Советы ассоциируются с СССР, они составляют революционное наследие, потом подавленное «тоталитаризмом».

Но для понимания Советов у Арендт принципиально, что они, как она выражается, возникают «спонтанно» и независимо друг от друга. Люди их создают сами, творчески — но незапланированно. И это связывает идею Советов с событийностью революции. Они спонтанны в противовес партии, которая идеологична и бюрократична. Здесь российскому и немецкому читателю очевидно, что Арендт вклинивается в дискуссии российских и немецких революционеров 1900-х годов о «стихийности» и «сознательности»: Ленин против Люксембург. И Арендт вслед за Люксембург высказывается в пользу стихийности. И идет дальше, чем последняя, отвергая партийность. Тем самым дается некое понимание свободы как самодеятельности, но в то же время она привязывается к месту и времени. Не случайна повторная апелляция к «публичному пространству» (*public space*): имеется в виду локальная зона публичности, чем-то обязательно ограниченная (например, стенами, как в *Vita activa*). Событийность же революции привязывает свободу к определенному моменту и интервалу времени.

Нетрудно видеть, что здесь есть определенное противоречие, которое особенно заметно в русском языке, где удачно связывается стихийность в смысле спонтанности и стихийность как природная стихия. Сначала иррационализм в трактовке революции отвергается, а в конце возвращается, чтобы обосновать ее непредсказуемое самозарождение. Ниже мы увидим, какое большое значение сегодня имеет это противоречие.

Вскоре после выхода книги Арендт оказалось, что она не столько взывала к забытому, сколько предвосхитила реальное историческое движение. Начиная с 1968—1969 годов до нашего времени мы имеем по всему миру неостановимое шествие революций, причем в большинстве своем революций политических, демократических, не впадающих глубоко в социаль-

ный вопрос. Революции происходят каждый год и при этом не мешают никому жить частной жизнью, не разрушают публичных пространств. Хотя на первом этапе дело ограничивается демонстрациями, захватами зданий и установлением парламентских режимов, далее появляются и Советы — СССР. Триумфом революции, по Арендт, можно считать недавнюю волну революций по всему миру — арабская весна, Европа и США, Россия, Турция, Гонконг... Все они «спонтанны», все рождают упоительное чувство свободы, а в европейских случаях возникает подобие советов («ассамблея» оккупай) и «публичных пространств». Но — все эти недавние революции кончились неудачно. Мирные демократические движения проиграли, а там, где они победили, во-первых, перестали быть мирными, во-вторых, приобрели либо фундаменталистский (Египет, Сирия), либо идентитарно-националистический (Украина) крен.

Почему это произошло? У меня есть гипотеза. Дело в том, что все эти события объединяет то, что они имели глобальный характер и черпали вдохновение и образцы друг у друга. (Арендт справедливо говорит о «волнах» революций.) Однако в них удивительным образом отсутствовала международная координация усилий, не были сформированы международные органы и тем более единая программа. Там, где это было не так (отчасти в арабском мире), революции перестали иметь демократически-конституционный характер и в результате этого тоже проиграли (Египет). И снова, почему? Дело в том, что легитимность подобных революций ключевым образом зависела от их демократического, и следовательно, народного, органического характера. САМ народ вроде бы произвел эти революции, восстав против режимов, которые тоже декларировали свою народность и поэтому проиграли. Но под народностью и демократией неизменно понимался СВОЙ народ. Даже «народные демократии» были (по сталинской и особенно брежневской конституции) государствами не пролетариата, а трудящихся, а потом суверенного народа. Поэтому было очень важно, что изменения социополитического, а потом и геополитического плана были легитимированы народными

восстаниями: в противном случае их легко было бы обвинить в том, что они инспирированы извне, своими бенефициариями, то есть Западом. Поэтому классическими и самыми успешными были именно те случаи, когда мы имели в чистом виде *национальные* революции, как, например, в странах Прибалтики или Германии. Здесь принцип ближе всего совпал с реальностью, революция пошла радикальным путем, привела к смене элит и получила легитимность даже у своих этнических меньшинств. Там, где речь шла просто о смене строя, как в России и в какой-то степени в прочих постсоветских полиэтнических государствах, убедительность революции и ее элиты была гораздо меньше, поскольку роль и интерес отдельного народа противоречил тем универсальным принципам (рынок и либеральная демократия), которые предполагалось реализовать.

Именно этот вопрос и стал сегодня камнем преткновения. Как сказал президент В. В. Путин на Валдае (не то чтобы я часто соглашался с президентом Путиным, но здесь он был прав), трудно назвать убедительной политику США по поддержке революций, которые явно призваны расширить их влияние, но зачастую приводят к власти фундаменталистские движения, направленные против Америки. Проблема здесь в том, что подобные революции по идее должны быть *внутренними* и *органичными*, и в то же время США не только выигрывает от них, но и открыто им симпатизирует (хотя и редко напрямую, как думает В. В. Путин, организует их). Эта нестыковка лишает убедительности те движения, которые все-таки успешны. В других же случаях, где США движения реально не поддерживает (как в Турции) и где они направлены против США и Евросоюза (окупай и т. д.), они не побеждают и не приобретают массовой поддержки. Таким образом, национальная легитимность срабатывает либо при условии одновременной поддержки мировым истеблишментом, либо широкой социальной базы, но последняя по факту толкает либо к крайнему национализму, либо к фундаментализму. В случае же демократических, левых движений национальная ограни-

ченность не играет никакой идеологической роли, но служит неким бессознательным фреймом происходящего. И поэтому они проигрывают; это движения мощного глобального образованного городского класса, который силен исторически и глобально, но является меньшинством в каждом конкретном национальном государстве. Прежние претензии на лидерство пролетариатом исчезли, и единственная претензия этого класса на гегемонию неизбежно носит популистский характер: но популизм превращается в национализм (Россия: А. Навальный из движения «Народ», единственный популист и единственный националист в либеральном движении). Кроме того, образованные классы с трудом преодолевают национальную ограниченность также и потому, что, будучи работниками коммуникативного труда, многие из них завязаны на специфичную национальную культуру и язык.

Национальная идентичность революций — это объективная социальная проблема, но это и наследие 1989 года. Выход из этого тупика напрашивается, но он до сих пор был невозможен и принадлежит другой эпохе. Избежать компрометации народно-революционного движения его связями с «заграницей» можно только одним способом: созданием органов координации низового международного движения. Тогда сотрудничество с другими странами не будет фатальным обвинением против революционеров: они будут открыто выступать от имени международных сил, но не государств и элит, чьи интересы могут априори противоречить национальным, а народно-революционному движению. Это то, что не было сделано в 1989—1991 годах при восстании против советского гнета и постепенно привело к превращению революции в *технологию*. Мы должны сегодня принять исторический урок и думать о структурах международного гражданского общества, которые будут носить партийный характер. Ставка на спонтанность в своем противостоянии идее партии чревата иррационализмом, представляет, по Арндт, опасное наследие одновременно анархизма (Люксембург) и экзистенциализма (ранний Хайдеггер), поэтому должна быть пересмотрена.

Алексей Саликов
(Калининград, Россия)

Актуальность философии Ханны Арендт сегодня: Интернет как пространство публичности

Опираясь на политическую философию Ханны Арендт, анализируется способность Интернета выполнять функции пространства публичности, а также значимость и перспективы Паутины как коммуникационной среды для политического бытия человека.

On the basis of Hannah Arendt's political philosophy, the author analyses the capability of the Internet to fulfil the functions of public realm, as well as the significance and prospects of the World Wide Web as a communication medium for political being.

Ключевые слова: Интернет, пространство публичности, политика, демократия, коммуникация, гражданское общество.

Key words: Internet, public realm, politics, democracy, communication, civil society.

Наверное, лучшим доказательством актуальности любой идеи является ее способность объяснить действительность, дать нам ключ к пониманию окружающего мира. В этом смысле многие идеи Ханны Арендт остаются актуальными и спустя вот уже почти 40 лет после ее смерти, даже несмотря на стремительно меняющийся мир вокруг нас. В качестве доказательства этого тезиса я проведу своего рода мысленный эксперимент и попытаюсь посмотреть на один из самых характерных феноменов нашего времени (речь идет об Интернете, что может быть современнее его) сквозь призму философии Ханны Арендт.

Ханна Арендт была страстным борцом за возрождение политической жизни, однако она понимала под политикой не «борьбу за власть», а своего рода коммуникативный процесс между людьми, которым ничего не остается, как вступить в контакт друг с другом, хотя бы они этого или нет, по одной простой причине, что мир, который они населяют, — общий для них всех дом. В этом смысле взгляды Арендт очень близки античным представлениям о политике, согласно которым политика представляет собой процесс совместного обсуждения общих для всех граждан полиса дел. Однако, как полагала Ханна Арендт, в современном мире политика как сфера межчеловеческой коммуникации умирает. Согласно Арендт, современный человек, озабоченный лишь своими утилитарными жизненными потребностями, добровольно отказывается от действия в политическом пространстве публичности, пренебрегая тем самым возможностью явить себя миру, показать другим свое «Я». Иными словами, человек перестает участвовать в делах мира, в котором он живет. Происходит его отчуждение от мира. Арендт полагает, что сосредоточенность современного человека на своей приватной жизни, его уход в свой внутренний мир, уклонение от публичного диалога — одна из главных причин многих общественных недугов нашего времени. Решить эту проблему, считает Арендт, можно лишь возродив к жизни настоящую политику, ту, в которой, соревнуясь между собой и пытаясь убедить друг друга, люди проявляют заботу об общем для них мире. Для того чтобы реанимировать политическую жизнь как совместную деятельность людей, направленную на сохранение и улучшение общего для всех нас мира, необходимо, чтобы человек был вовлечен в политическую деятельность, проявлял себя как активное, деятельное начало. Но для этого требуется свободное время, чего часто не бывает у современного человека. Поэтому политическая жизнь многих сегодня сводится к походу на избирательные участки раз в несколько лет.

Однако с появлением Интернета возникла новая бесконтактная коммуникационная среда между людьми, которая помимо прочих свойств обладает большим политическим потен-

циалом, заключающимся прежде всего в том, что он представляет собой коммуникативную среду, способную вместить сколько угодно людей и дать им возможность вступать с друг другом в диалог вне зависимости от их пространственного местонахождения, что позволяет принять участие в политической жизни в любом месте и в любое время. Естественно, Арендт в своих работах не упоминала об Интернете, он появился уже после ее смерти, и описывала современное ей состояние политического бытия. Тем не менее, как мне кажется, ее концепция публичного пространства может быть полезной для оценки современных возможностей и будущих перспектив глобальной сети. В своем докладе я бы хотел проанализировать способность Интернета выполнять функции пространства публичности, которое, как полагала Ханна Арендт, необходимо для существования здорового общества.

1. Понимание пространства публичности у Арендт

Что же такое пространство публичности, о котором говорит Ханна Арендт? Понятие публичного пространства, без которого невозможна политическая деятельность, характеризуется у Арендт двумя основными моментами. Во-первых, — это интерсубъективное пространство. В «*Vita activa*, или О деятельной жизни» Ханна Арендт выделяет три вида человеческой деятельности: работа, изготовление и действие. Действие, в свою очередь, состоит из говорения и поступка, для развертывания которых необходимо место, которое было бы общим для всех. Пространство публичности, о котором пишет Ханна Арендт, и есть это место, общее для разных людей. Оно всегда возникает там, где люди, действуя и говоря, как-то обходятся друг с другом: «...действие и говорение учреждают некое пространство "*между*", не привязанное ни к какой родной почве и способное распространиться повсюду в обитаемом мире. Пространственное *между* есть пространство явления в широчайшем смысле, пространство, возникающее благодаря тому, что люди тут являются друг перед другом и не просто имеют место, как другие одушевленные или неоду-

шевленные вещи, но именно выступают с открытым лицом»¹. *Явленность*, о которой здесь говорит Ханна Арендт, — это обнаружение себя, своей позиции по вопросам обустройства общего для всех мира и тем самым презентация себя и своей сущности «для других». Лишь *проявляя* себя другим, *являя* себя миру, человек становится видим и слышим другими людьми.

Во-вторых, пространство публичности служит тем местом, в котором люди открыто высказывают свое мнение и хотят быть услышаны другими. При этом пространство публичности не возникает автоматически везде, где есть несколько человек и лишь по той причине, что люди — существа, способные к поступку и говорению. Наоборот, даже там, где это пространство существует, большинство предпочитает оставаться вне его. Более того, как пишет Ханна Арендт, «никто не может длительно в нем (в публичном пространстве. — А. С.) находиться, потому что ослепительный свет публичности уничтожает потаенность, в какой жизнь смертных подобно животным нуждается именно ради своего поддержания»².

Потаенность, о которой вполне в духе Хайдеггера здесь говорит Ханна Арендт, — это невысказанная сущность бытия, которая остается сокрытой, пока обладатель потаенности не выходит на всеобщее обозрение, не проявляется в явленности. В политическом смысле это означает, что действительность и явленность лица — одно и то же. Иными словами, человек начинает существовать для окружающих лишь тогда, когда он проявляет себя в слове и поступке.

Итак, публичное пространство — это пространство, в котором *проявляется* свобода, это место, в котором возникает власть, в котором возможны суждения и действия, поскольку в нем возможно *проявление* человеческой множественности. Как таковое оно одновременно соединяет и разъединяет людей.

¹ Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни / пер. В. В. Бибихина. СПб., 2000. С. 263.

² Там же.

Арендт сравнивает это пространство публичности с шахматной доской: «Шахматист соединен со своим партнером по игре... посредством доски, которая одновременно разделяет и соединяет соперников, потому что она является частью их собственного мира»³.

Следует, однако, указать на то, что Ханна Арендт строго разделяла частную и публичную сферу. Это очень важный для нее момент, поскольку она четко отделяла политику от всех других областей человеческого бытия. В отличие от личного публичное пространство множественно, то есть содержит множество самых разнообразных и даже противоречивых точек зрения. Именно эта множественность и создает реальность. Суть же частного заключается в отсутствии других. В частной жизни человек ведет себя так, как если бы никаких других людей не существовало, его действия в частной сфере не имеют никакого значения для публичной, они не касаются никого, кроме самого человека⁴. Одновременно с этим частная жизнь дает личное пространство, которое служит условием для возможности проявить себя в пространстве публичности. Публичное и личное пространства дополняют друг друга и являются неотъемлемыми частями жизненного пространства в целом. Отсутствие или недостаток в любом из них ощущается болезненно и негативно влияет на качество и содержание жизни человека.

2. Интернет как публичное пространство

Теперь попробуем ответить на вопрос: является ли Интернет пространством публичности в том смысле, в котором его понимала Ханна Арендт? И если да, то в чем прослеживается

³ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И.В. Борисовой [и др.]. М., 1996. С. 523.

⁴ Арендт Х. Vita activa. или О деятельной жизни. С. 58.

его влияние на политическую жизнь общества и каковы его перспективы в качестве пространства публичности в будущем?

С одной стороны, Интернет, безусловно, выступает публичным пространством, поскольку в нем проявляется человеческая множественность. В нем люди вступают в контакт друг с другом, высказывают собственное мнение и ожидают получить оценку своей точки зрения от других. Интернет стал местом, в котором встречаются представители самых разных политических взглядов. При этом виртуальный характер Паутины позволяет исключить физическое насилие, что особенно важно при переговорах сторон, находящихся в состоянии вооруженного конфликта. Кроме того, Интернет является альтернативой «большой» или «официальной» политике, участвовать в которой любой гражданин формально может, но на практике это трудно реализовать. Всемирная паутина позволяет каждому индивиду, если у него есть на это желание, активно участвовать в создании пространства, в котором можно было бы выражать свое мнение. Интернет способствует появлению новых форм участия граждан в политике, которые не зависят от больших политических структур и средств массовой коммуникации. Интернет дает возможность малым группам, в том числе этническим, присутствовать в виртуальном пространстве, объединяя своих представителей вне зависимости от государственных границ и географических расстояний. Некоторые народы, не имеющие государственности и рассредоточенные на территории разных государств, могут посредством Интернета создавать некое виртуальное государственное образование, которое позволяет улучшить взаимодействие и коммуникацию представителей этого народа между собой. Так, например, существует виртуальное государство саамов, находящееся на территории Норвегии, Швеции, Финляндии и России, благодаря которому народ, проживающий в четырех разных странах и разделенный границами, может ощутить свою целостность, осуществлять самые разнообразные контакты и координировать свои совместные действия. Особенно много от появления Всемирной паутины приобретают национальные диаспоры: Интернет связывает их с родной страной и

дает им возможность участвовать в политической жизни страны, в обсуждении жизненно важных проблем, находясь далеко от родины.

То же самое можно сказать и о жителях анклавов (таких, как Калининградская область в России), для которых Интернет становится средством, уничтожающим границы и расстояние, разделяющее анклав с метрополией. Благодаря Интернету политические партии получают возможность работать со своими избирателями посредством собственных информационных ресурсов, на которых каждый желающий может ознакомиться с программой партии, принять участие в дискуссии или обмене мнениями по тому или иному политическому вопросу.

С другой стороны, коммуникация между людьми еще не делает Интернет публичным пространством, поскольку и в приватном пространстве происходит обмен мнениями и суждениями, оценками. Но суждения, высказываемые в частном пространстве, не предназначены для всеобщего обозрения, их целевая группа — четко определенный круг лиц, близких, друзей, которым, собственно, и адресовано суждение. Интернет привлекает многих возможностью погрузиться в уединенный мирок своих единомышленников, людей, близких по духу, интересам и образу мыслей. Или же человек делится своим мнением по тем или иным политическим вопросам, но при этом предпочитает скрывать свое имя под псевдонимом. Это означает, что он не готов или не хочет публично вынести свое мнение на суд общественности, выйти на свет пространства публичности, в котором все суждения высказываются открыто и для всех. В пространстве публичности человек заявляет о себе миру, в нем он выносит на всеобщее обозрение то, что он хотел бы сказать человечеству (по крайней мере, потенциально), а не узкому кругу друзей и единомышленников.

Таким образом, Интернет как информационная среда ни в коем случае не сводим к публичному пространству или же приватному. Это куда более сложное явление, в котором присутствуют и информационный, экономический, торговый, публичный и другие компоненты. Иными словами, Интернет объединяет все стороны жизни человека, отличаясь от реального,

физического пространства публичности лишь спецификой своей виртуальности. Интернет превращается в пространство публичности в тех случаях, когда раскрывается анонимность и суждение выносится на суд общественности не под псевдонимом, а под своим настоящим именем. Однако существует множество промежуточных состояний, когда очень сложно провести границу между публичным и частным в Интернете; или же когда она определяется между ними иначе, чем это происходит в мире непосредственной коммуникации. Также можно говорить о существовании проблемы различения, в том числе и правовой, частного пространства от публичного. Например, с какого момента запись в блоге можно считать публичным заявлением и она перестает быть записью для друзей и знакомых?

3. Проблемы и перспективы Интернета как пространства публичности

Итак, как мы выяснили, Интернет вполне может выполнять функцию публичного пространства, каким его понимала Ханна Арендт. Однако здесь возникает другой вопрос. Раз уже Интернет может выполнять функцию публичного пространства, которое так необходимо для полноценной политической жизни общества, сможет ли он взять на себя эту роль в будущем, означает ли это, что политическая жизнь переместится в сеть и какие с этим могут быть связаны проблемы?

Как мне видится, ответ здесь таков: поскольку Ханна Арендт понимает политику как процесс коммуникации, а коммуникация, в свою очередь, требует обмена информацией, то прямой переход политики в цифровое измерение принципиально возможен. Интернет как средство коммуникации обладает четко выраженным двойственным характером. С одной стороны, он является средством массовой информации, так как передает информацию от одного источника большому количеству потребителей, осуществляя тем самым одностороннюю связь и не отличаясь в этом случае от других средств массовой информации — газет, радио, телевидения. С другой —

Интернет служит средством коммуникации, связывающим многих независимых друг от друга пользователей между собой, позволяя информации перемещаться в разных направлениях. Благодаря дуальному характеру своей коммуникативности Интернет обладает большим потенциалом для осуществления прямой демократии, внесения нового смысла в понятие публичности и в развития альтернативного публичного пространства. Его развитие способно активизировать политическую жизнь общества, привлекая к прямому участию в политике все большее количество граждан. Интернет-коммуникации делают возможным возрождение состязательного характера политики, так как в сети снова расцветают противоположности, которые были вытеснены официальной политикой из публичной жизни. Поэтому Интернет мог бы играть важную роль в реанимации политики как публичной составляющей человеческого бытия. Кроме того, Интернет создает новые механизмы отношений между общественными институтами и гражданами.

Однако, помимо позитивного, Интернет может оказать и негативное влияние на развитие человеческого общества и разрушительным образом воздействовать на пространство публичности. Можно выделить как минимум пять потенциальных рисков, которые несет Интернет: 1) полное или почти полное отсутствие способности представителей беднейших групп населения доступа к содержанию Интернета и использования его; 2) отступление основанных на непосредственных контактах социальных отношений, что ослабляет крепкие социальные связи; 3) тенденция отдельных групп уединиться и отрицать контакты с представителями других точек зрения и публичные дебаты с ними; 4) трансформация пользователей Интернета в простых потребителей, включая информацию и религиозные представления; 5) разрушение индивидуальной и коллективной частной сферы.

Также возможный негативный эффект Интернета связан с его использованием организованной преступностью, террористами. Кроме того, наблюдается четко выраженное стремле-

ние государственной власти, пожалуй, большинства стран мира в той или иной степени контролировать происходящее в сети, при этом она зачастую опирается на поддержку крупных провайдеров и поисковых систем (например, *Google* в Китае), что, как правило, объясняется борьбой с терроризмом, экстремизмом, преступностью в целом.

Действительно, в Интернете находится место даже для сайтов экстремистов и сайтов радикальных политических партий, которые получают ту часть пространства публичности для пропаганды своих идей, которой они лишены правительствами своих стран. Это становится возможным, во-первых, благодаря анонимности авторов сайта. Во-вторых, нередко создатели и идеологи экстремистских или преступных интернет-ресурсов физически недостижимы, поскольку находятся за пределами того государства, против которого или против граждан которого направлена их деятельность. Это порождает трудноразрешимую проблему, суть которой заключается в определении той меры, в которой государство может вмешиваться в Интернет как в виртуальное средство коммуникации. При этом мнения на этот счет есть самые полярные: от тотальной паспортизации всех пользователей сети до соблюдения абсолютной анонимности пользователей и полного невмешательства государства в происходящее в глобальной сети. При этом аргументы той и другой стороны достаточно весомы. Так, обязательная регистрация паспортных данных каждого пользователя при подключении к Интернету позволит оперативно вычислить не только то, с какого компьютера была совершена, к примеру, хакерская атака, но и имя его владельца. Однако, считают эксперты, принудительная регистрация ударит прежде всего по добропорядочным пользователям. Так, примерно треть опрошенных респондентов высказались против контроля содержимого сайтов. Свою позицию они аргументировали тем, что «это ограничивает свободу слова», мешает «людям нормально общаться». Они также отмечали, что «цензоры, как всегда, будут перегибать палку», да и вообще «совесть — лучший контролер».

Тем не менее во многих странах существуют серьезные ограничения на функционирование сети, то есть на государственном уровне осуществляется запрет на доступ к отдельным сайтам (СМИ, аналитическим, порнографическим) или ко всей сети. Одним из примеров может служить реализованный в Китае проект «Золотой щит» — система фильтрации трафика на интернет-канале между провайдерами и международными сетями передачи информации.

Поскольку в Интернете присутствуют информационные ресурсы, которые бывают неудобны для некоторых правительств, то последние пытаются декларировать Интернет как средство массовой информации со всеми вытекающими ограничениями. Но на самом деле, Интернет — это только носитель, информационная среда, как и телефонная сеть или просто бумага. В мире встречается и государственная монополия на само подключение к Интернету. В то же время многие информационные ресурсы сами официально подвергают цензуре (или, по-другому, модерации) публикуемую ими информацию в зависимости от проводимой политики и собственных внутренних правил. Это не противоречит демократическим принципам свободы слова.

В целом же хотелось отметить, что, несмотря на существование полярных точек зрения (от полной анархии до введения тотального контроля), большинство сходится во мнении, что Интернет на данный момент все больше и больше превращается в место активного взаимодействия между людьми и в этом смысле нуждается в установлении определенных правил и норм поведения, в том числе введения определенной правовой регуляции. Понятно, что по поводу необходимого и достаточного характера и уровня этой правовой регуляции мнения расходятся, иногда довольно существенно, но в общем и целом понимание необходимости этого есть.

Однако не все готовы видеть в Интернете спасительное средство для оживления политической активности. Так, в по-

следние годы появляются работы, которые ставят под сомнение роль глобальной сети как потенциального средства обновления политического. Авторы этих работ опираются на традиционное понятие социальных отношений, согласно которым социальные отношения могут эффективно выстраиваться лишь на основе телесного контакта между людьми, «face to face». Согласно этим авторам, новая виртуальная социальность разрушает основы прямого непосредственного человеческого взаимодействия. Тем самым она уничтожает публичное пространство и дает государству дополнительные возможности для контроля своих граждан. В этом есть, безусловно, некое рациональное зерно. Здесь также уместно вспомнить, что прямая демократия была возможна в античном полисе прежде всего по той простой причине, что свободное население среднего полиса составляло порядка 5—6 тысяч граждан. Все они вполне умещались на рыночной площади и, по крайней мере теоретически, могли знать друг друга в лицо.

Очевидно, для того чтобы Интернет как виртуальное пространство публичности продолжал развиваться, необходимо, чтобы его участники несли ответственность за свои сообщения. Так, некоторые авторы предлагают даже ввести в будущем систему сертифицирования всех пользователей сети, чтобы отфильтровать всех несертифицированных пользователей Интернета. Они полагают, что со временем появится возможность ввести всеобщую сертификационную систему, которая смогла бы обеспечить идентификацию пользователей сети, а также развить фильтровую систему, которая бы автоматически уничтожала бы сообщения несертифицированных пользователей. Но если осуществить это предложение, то Интернет из многогранного коммуникационного пространства, совмещающего приватное и публичное, превратится исключительно в публичное пространство, тем самым существенно обеднив свое содержание. Здесь будет нелишним вспомнить понимание публичного пространства у Ханны Арендт, которое хотя и относилось к физически контактному пространству публично-

сти, но оказывается справедливым и для виртуального публичного пространства. Арендт считала, что публичное и личное пространства дополняют друг друга и являются неотъемлемыми частями жизненного пространства в целом. А это означает, что в Интернете как виртуальной альтернативе физической коммуникативной среды и впредь должен сохраняться разумный баланс публичного и приватного.

Список литературы

1. *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни* / пер. В. В. Библихина. СПб., 2000.
2. *Арендт Х. Истоки тоталитаризма* / пер. И. В. Борисовой [и др.]. М., 1996.

Александр Филиппов
(Москва, Россия)

Ханна Арендт и Карл Шмитт: два понятия политического¹

Анализируются сходства и различия в понимании политического у Арендт и Шмитта, при этом проводятся параллели между их личными судьбами. По мнению автора, различия в трактовках сущности политического у Ханны Арендт и Карла Шмитта порой фундаментальные. Если для Шмитта никакой политики внутри государства не существует, она есть только во внешней деятельности, то у Арендт все наоборот, лишь через участие в политической жизни человек и становится свободным, освобождается от необходимости поддерживать жизнь, выходит за пределы отношения господства и рабства. Подробно рассмотрев идеи Арендт в ее работе «О революции», референт приходит к выводу, что там где у Ханны Арендт политическое начинается, у Шмитта оно заканчивается, и наоборот.

The article analyzes the similarities and differences in the understanding of the political by Hannah Arendt and Carl Schmitt, drawing parallels to their personal destinies. According to the author, the differences in interpretation of the essence of the political by Arendt and Schmitt are sometimes fundamental. While for Schmitt there is no place for the political within the state, it exists only in its external actions, for Arendt, on the contrary, only through participation in the inner political life a human being becomes free, rises above the basic need to sustain life, goes beyond the relations of domination and slavery. Having

© Филиппов А., 2015

¹ Статья подготовлена в Центре фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в рамках проекта «Власть, доверие, авторитет: структуры порядка и категории описания социальной жизни».

considered the idea of Arendt in her work "On Revolution", the author concludes that where the political begins for Arendt, it ends for Schmitt, and vice versa.

Ключевые слова: Ханна Арендт, Карл Шмитт, политическое, политика, государство.

Key words: Hannah Arendt, Carl Schmitt, the political, politics, state.

Арендт и Шмитт должны представляться, во всяком случае на первый взгляд, очень разными авторами. Их политические позиции, политическая судьба настолько несходны, что любые сопоставления кажутся искусственными². Я постараюсь показать, что это не так. Между двумя философами существует переключка, и мы можем увидеть в ней некоторые ресурсы для постановки важных вопросов политической философии.

Несколько слов надо сказать об источниках. Политическая философия Арендт не представляет собой единый текст, хотя бы даже и составленный (условно) из множества публикаций. У Арендт есть много разнородных текстов, посвященных политической проблематике, и у нее была очень серьезная эволюция. Я частично буду базироваться на тех ее работах, которые были взяты из рукописного наследия, опубликованного по-немецки в книге, которая называется «Что есть политика?» (“Was ist Politik?”). Насколько мне известно, эти тексты в основном не переводились на английский язык, не говоря уже о русском. Это не значит, что все остальные тексты будут вынесены за скобки и не представляют никакого интереса, но некоторые важные рассуждения Арендт содержатся в этой книге.

Что касается Шмитта, то подбор источников здесь тоже ограничен рамками моей задачи. Есть достаточно устойчивое представление о политической философии Шмитта: в нем

² Одним из редких и отрядных исключений являются работы А. Калюваса. См.: *Kalyvas A. Democracy and the Politics of the Extraordinary: Max Weber, Carl Schmitt, and Hannah Arendt. Cambridge ; N. Y., 2008.*

склонны видеть исключительно идеолога, если не обязательно *тоталитарного* государства, то, во всяком случае, государства авторитарного. Шмитта принято относить к представителям радикального консерватизма или «консервативной революции». По поводу того, можно ли считать Шмитта в точном смысле слова сторонником «консервативной революции», существует много разных точек зрения, но его близость к некоторым лидерам этого направления нельзя отрицать³. С самого начала своей научной карьеры Шмитт был критиком культуры и политики модерна. Современность, рациональность технического овладения миром, подвижность, «мирская аскеза», гордыня, предпринимательство и большие города — вот тот комплекс социального, культурного и религиозного, неприятие которого внятно обозначилось уже у молодого Шмитта. Почвенность, патриотизм, приверженность «земле-матушке», крестьянское в противоположность городскому — это католицизм, и в работах молодого Шмитта, посвященных апологетике католицизма, все это находит место. Но неверно было бы представлять себе дело так, что идея Шмитта — сугубо консервативная, что «душа», «деревня», «почва» — это и есть все то, что он хвалит в католицизме. Примитивный, ретроградный консерватизм ему совершенно чужд как теоретику, хотя и пробивает себе дорогу в предпочтениях вкуса. Но политический католицизм Шмитта кончается в 20-х годах. Радикальная идеология, которая есть у его знаменитых современников, например у Ханса Фрайера, автора «Революции справа», присутствует и в сочинениях Шмитта. Недаром в начале 30-х годов, и в особенности после прихода нацистов к власти, немало число воодушевленных интеллектуалов считали его фигурой примерно того же рода и того же ранга, что и Артур Мёллер ван ден Брук, автор книги «Третий рейх»⁴. Но эти идеологические моменты более важны для понимания интеллектуальной био-

³ О концепции мифа у Шмитта в более широком контексте немецкой «консервативной революции» см.: Пленков О. Ю. Триумф мифа над разумом. СПб., 2011.

⁴ Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. Berlin, 1923.

графии Шмитта и его политической позиции, чем философского содержания его перворазрядных сочинений, которые до сих пор изучаются не только историками политической мысли, но и политическими философами, занятыми актуальной проблематикой. Именно к ним я и намерен обратиться.

В 1927 году сначала в виде статьи вышла знаменитая работа «Понятие политического». Потом она много раз перерабатывалась и последний раз при жизни Шмитта была издана в 1963 году с новым предисловием, послесловием и разъяснениями, которые он на старый манер назвал короллариями⁵. Для ее адекватного понимания нужно учесть все то, что пытался разъяснить по ее поводу сам Шмитт, будучи уже глубоким стариком. Некоторые из его разъяснений я хотел бы взять за основу, то есть начать именно со Шмитта, причем стартовать с некоторых важных пролегомен к политической философии, которые он сделал в другой важной работе, также написанной после войны и, мне кажется, свободной от подозрений в том, что при помощи этой работы он готовил тоталитарный режим — последней большой книге «Номос Земли в европейском праве народов»⁶.

В предисловии к «Понятию политического» Шмитт говорит о том, что политическое — это понятие, сопряженное с эпохой. Это историческое понятие. Не существует универсального понятия политического. То понятие политического, которое господствовало в Европе на протяжении примерно четырех веков, теряет релевантность. Оно было связано с идеей государства. Старого европейского государства, с которым было связано это понятие политического, больше нет, во всяком случае, оно умирает. Поэтому то, о чем он пишет, имеет в значительной степени историческое значение. Раньше, продолжает Шмитт, его понимали так, будто он пишет про на-

⁵ *Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Text von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien. Berlin, 1963.*

⁶ *Schmitt C. Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum (1950). 5. Auflage. Berlin, 1985.*

стоящий момент или вообще не привязывает свои рассуждения к исторической эпохе. Оказывается, его трактовали неправильно: он писал про историю. Это, конечно, в некотором роде ложь. Он пытается задним числом изобразить дело таким, каким оно не было в тот момент, когда он создавал первую версию «Понятия политического». Однако здесь есть и своя правда: Шмитт говорит о политическом, которое имеет *историческое* значение, меняющееся в зависимости от эпохи.

Второе, с чем, наверное, следует согласиться, что важно в дальнейшем, это то, что понятие политического, поскольку оно было привязано к понятию государства, предполагало определенное ясное членение и различие. Понятие политического предполагает ясные различия. Они могут быть разными, но они должны быть ясными. В понятии государства было ясным то, что государство — субъект политики, притом, что внутри государства нет политики. Внутри нет политики, потому что государство стало внутри себя миром и безопасностью. Говорят еще, что это место, где все «замыренное». Почему внутри государства мир? Потому что внутри государства кончилась война. Если политика и политическое — это война, если политическое, как все знают, у Шмитта — это противостояние врагов, значит, это внешняя политика. Внутри государства нет политики, но есть полиция. Наконец, Шмитт постоянно говорит о том, что политическое не может исчезнуть из мира, а если предпринять определенные меры, убить всех врагов, умиротворить весь мир, то (если это гипотетически допустить) тогда исчезло бы политическое. Это рассуждение выглядит мутновато: то ли нельзя изгнать политическое из мира, то ли политическое исчезнет, если установить всеобщий мир. В общем, получается так, что исчезновение политического, если оно все-таки произошло бы, — это не очень хорошо. То есть, скорее всего, это невозможно, а если возможно, то плохо. Почему? Потому, говорит Шмитт, что в политическом сказывается экзистенциальное напряжение, человек в высшем смысле слова является человеком, когда он занимается поли-

тикой. Получается, что внутри государства у человека не очень много возможностей вести политическое, то есть высшее в своем роде, существование. И это, конечно, следует заметить.

А теперь посмотрим, о чем рассказывает в своих работах Ханна Арендт. Есть важный момент, на котором она не акцентирует внимание и не говорит в каждом своем сочинении, но при этом прекрасно ориентируется в существе дела: это историческая определенность понятия государства. Мы знаем, какое значение имела для нее Древняя Греция. Но во времена Античности не было государства! В интервью А. Райфу она говорит: «То, что мы называем государством, возникло не ранее XV—XVI веков, то же самое относится и к понятию суверенитета. Понятие суверенитета означает, что конфликты межгосударственной природы могут быть решены только войной»⁷. Конечно, в этом уверенном суждении Шмитт нашел бы уязвимое место, а именно, забвение европейского права народов, однако для нас, конечно, важнее то, что Арендт фактически воспроизводит знаменитую формулу Шмитта: государство — это конкретное, привязанное к исторической эпохе понятие. Она ведет речь о необходимости другого государства, которое должно быть построено на других основаниях, но при этом не пытается усмотреть государство в древности.

Куда чаще Арендт пишет о том, что представление о человеке как о существе политическом, которое мы знаем со времен Аристотеля, трактуется в наши дни не совсем правильно. Для Аристотеля человек есть политическое существо не по своему внутреннему устройству, но как гражданин полиса. Он в полисе становится политическим. Место политического — это полис. Потому что полис — это место свободы, точнее говоря, одно из редких мест одного из возможных видов свободы. Человек освобождает себя для политики, а политика является способом вести свободную жизнь.

⁷ *Arendt H. Macht und Gewalt. Mit einem Interview mit Adelbert Reif. 18. Aufl. Zürich ; München, 2008. S. 130.*

На всякий случай я напомним то место в книге Арендт «*Vita activa...*», где она объясняет отличие политического от социального: для греков способность человека к политической организации не просто отлична, но противоположна его естественной социальности, в центре которой стоят семья и домохозяйство⁸. Политика находится за пределами так понятой социальности. Но что значит заниматься политикой? Политикой может заниматься человек освободившийся, тот, кто освободил себя. Человек свободен не потому, что он изначально свободен, что он по своей природе свободен, а потому что он освободился от необходимости. Освободиться от необходимости — означает освободить свое время. Освободить свое время — означает перестать тратить свое время на необходимое. Необходимое для человека — это поддерживать свою жизнь. Для того чтобы освободить время от труда для поддержания жизни, нужно ту работу, которую следует выполнять для этого, включаясь в природный цикл воспроизводства, переложить на другого, то есть на раба. Поэтому свободный человек в Греции — это рабовладелец, а рабство — это условие политической свободы. Не единственное, но необходимое условие. Необходимо быть рабовладельцем, чтобы раб мог взять на себя всю работу⁹. Но недостаточно быть рабовладельцем, потому что тот, кто только командует рабом, все равно остается в области необходимого. Он подчинен природной необходимости как госпо-

⁸ См.: *Arendt H. Vita activa, oder Vom tätigen Leben. München ; Zürich, 2007. S. 35.*

⁹ «Чтобы вообще жить в полисе, человек в другом аспекте уже должен был быть свободен — он не мог быть подчинен ни насилию другого как раб, ни необходимости заботиться о повседневном пропитании как рабочий. А для свободы человек должен был быть сначала освобожден... Это освобождение было целью, которой можно и нужно было добиваться определенными средствами. Решающим средством было рабовладельческое хозяйство, то насилие, посредством которого другие принуждены были снять с [рабовладельца] заботы о повседневной жизни» (*Arendt H. Was ist Politik? München ; Zürich, 2010. S. 38 f.*)

дин, который командует рабом, хотя и не в той степени, в которой подчиненный раб. Для того чтобы человек стал свободным, он должен выйти за пределы этого отношения господства и рабства. И он должен выйти за пределы домохозяйства в собственно полисную жизнь и встретить там других свободных людей, то есть других таких же рабовладельцев. Полис — это место, область, пространство, в котором возможен процесс, процедура, в результате которой свободные люди свободно выражают свои дела. Как они оказались в полисе? Вообще, как они оказались в этом свободном месте? Изначально это были люди, занимавшиеся войной. Заниматься войной — значит освободить себя, то есть не подпасть под чужое господство.

Возможно, Арендт в молодости слушала лекции Александра Кожева и попала под влияние его интерпретации «Феноменологии духа» Гегеля, в частности трактовки диалектики отношения господина и раба. Рассматривая рабское (она пишет об этом много раз, в частности в «*Vita activa...*»), Арендт подчеркивает, что для греков раб — этот тот, кто вступил в борьбу, но предпочел жизнь, тогда как господин — этот тот, кто не побоялся рискнуть жизнью и в результате выиграл. Раб, вместо того чтобы погибнуть в борьбе, предпочел подчиниться. Поэтому ситуация, когда раба не считают человеком, — для греков нормальная. Арендт не идет так далеко, чтобы сказать, что она тоже не считает раба человеком, но она показывает, в чем состоит резон древнего грека. Господин — это тот, кто мужественен, тот, кто не боится рисковать жизнью. Раб — тот, кто труслив. Раб боялся рисковать жизнью и, во всяком случае, предпочел подчиняться. Греческие герои, гомеровские — это те, кто пустились в борьбу, это герои войн. Ни борьба, ни война, ни конфликт сами по себе не являются политикой. Политической войну делает то, что герои намерены *освободиться*, рискнуть, не стать самим рабами и, освободив себе досуг, завоевывать рабов, видимо, чтобы иметь возможность совершать свободные действия. Эти свободные действия совершаются в полисе, но в полисе они уже не воюют! Полис открывает возможность

не политической войны (и) политической жизни. Жизнь человека конечна, на войне люди обретают славу, их деяния увековечивает поэт. Но есть более надежный способ добиться *временного бессмертия*.

Работа Арендт «О революции» завершается ужасной цитатой из «Эдипа в Колоне» Софокла: человеку лучше было бы вообще не родиться. Но это еще не самый конец, потому что дальше, цитируя Софокла, Арендт добавляет: «Здесь же он, устами Тезея, легендарного основателя Афин и тем самым их глашатая, позволяет нам узнать, что позволяло обыкновенным людям, молодым и старым, нести бремя жизни: полис, пространство свободных поступков и живых слов людей, вот что могло добывать средства к славной жизни...»¹⁰. Полисная политика у Арендт оправдана следующим: жизнь человека ужасна, смерть его забирает навсегда, и по смерти в Аиде ему нехорошо. Но есть возможность спасения — это город. Это место, где совершаются деяния, которые запечатлеваются, остаются на более длительный период, чем может даже гарантировать эпос. Здесь мы получаем очень интересный результат. Что же такое они делают в полисе? Что делают в полисе свободные люди, люди среди других людей? Быть человеком среди людей, быть свободным среди свободных — значит ли это заботиться о совместных делах? Да, это так и есть, это общие дела. Но что это за дела, являются ли они делами, связанными с поддержанием существования, физической жизни граждан полиса, средствами управления? Можно ли говорить, что здесь есть совместное управление общими делами, совместное управление хозяйством? Нет, потому что полис не имеет политической экономии, политическая экономия приходит через 2 тысячи лет. Полисной экономии нет, хотя, конечно, есть хозяйственная автаркия полиса, и в этой части вопрос не так прост. Но главное все же другое: есть общие политические дела, и эти дела состоят в словах. Главное, что происходит в полисе, производится речью. Производятся слова, которые выступают деяниями. Слово и есть деяние. Таким образом, мы

¹⁰ Арендт Х. О революции / пер. И. Коссича. М., 2011. С. 393.

видим, что политическое пространство, если оно рассматривается как пространство свободы, образцовое пространство свободы — это пространство речи, пространство спора, пространство обсуждения, пространство, в котором встречаются люди, несущие некоторую ответственность за то, что сказано. Но эта ответственность не является *в первую очередь* ответственностью за непрерывное существование этого политического целого, это, если угодно, не ответственность управленца. То, от чего критическим образом зависит выживание полиса, — это ключевые политические решения, а не хозяйственные, не административные.

Если мы теперь снова посмотрим, как выглядит политическое у Шмитта, то увидим у него прямо противоположный подход. Он говорит, что для того, чтобы возникло совместное существование людей, должно сформироваться пространство. С этим согласилась бы и Арендт. Но как возникает это пространство? Оно возникает благодаря тому, что он называет «Nehmen». По-немецки это значит «брать», в данном случае — занять некоторое пространство. На этом пространстве проводятся межи, границы. Потом на нем начинаются кормления людей, они берут это пространство как пространство, на котором можно питаться, на котором можно существовать. «Weiden» это называется по-немецки. Чтобы то, что там производится для кормления, доставалось всем по справедливости, нужно его распределить. «Nehmen / Teilen / Weiden» (брать — делить — кормиться) — триединство, о котором он говорит в начале своей работы «Номос Земли» и в ряде других сочинений. Тут не совсем понятно, правда, что на самом деле стоит в Начале. Занятие пространства, деление или кормление? Но эти три вещи связаны между собой, они конституируют сразу два момента человеческой жизни: поддержание физического существования, неперенное поддержание физического существования за счет кормления, распределения, безопасности, защиты. И они конституируют права. Как ни странно, мы здесь утыкаемся в очень интересный, заочный, но важный спор двух мыслителей.

Итак, мы видим философа, который исходит изначально из героического, его даже можно назвать аристократическим, представления о политике. Впоследствии у Арендт происходит некоторое смягчение точки зрения. Есть интересный фрагмент беседы, которая у нее состоялась во время дискуссии с коллегами в Торонто в 1972 году. Ее ближайший друг Мери Маккарти задает вопрос, который, как мне представляется, со знанием дела направлен в самое уязвимое место построений Арендт. «А единственное, что остается политическому человеку, есть то, что делали греки: вести войны! Но это не может быть правильным! Однако, с другой стороны, если все вопросы хозяйства, человеческого благополучия... всего, что только касается социальной сферы, убраны с политической сцены, тогда дело представляется мне таинственным. Остаются только войны и речи. Но речи не могут быть просто речами. Они должны быть речами о чем-то». «Вы совершенно правы, — тут же отвечает Арендт, — я сама задаю себе этот вопрос... Жизнь постоянно меняется, и постоянно есть какие-то вещи, о которых говорят. Во все времена люди, живущие вместе, будут иметь поводы для общественного [обсуждения]...»¹¹ Но участники обсуждения продолжили острые вопросы. Другой близкий сотрудник Арендт, Р. Бернштейн, напоминает, что социальное и политическое, по Арендт, смешивать нельзя, на что она откликается одобрительным «ОК!», а Бернштейн продолжает: «Но вы слишком хорошо знаете, что постоянно — по меньшей мере, в наши дни, — это различие делать невозможно!», мало того, вопрос, который задала Маккарти не получил удовлетворительного ответа, потому что в наши дни надо понять, как можно непротиворечивым образом разорвать политическое и социальное!¹² Ответ Арендт сводится к тому, что некоторые вещи нуждаются в чисто предметном управлении, калькуляции, здесь нечего решать через публич-

¹¹ *Arendt H.* Ich will verstehen / Hrsg. v. U. Lutz. München ; Zürich, 2007. S. 90.

¹² *Ibid.* S. 91.

ные дебаты, мало того, в ряде случаев нужны решения, для которых обсуждение бесполезно или вредно. В конечном счете, отвечая на вопрос А. Велмера о том, есть ли в наши дни социальный вопрос, который бы не был политическим, Арендт приводит в пример жилищную проблему: вопрос о том, что каждый имеет право на достойное жилье, — это социальный вопрос, его не надо обсуждать. Но политические принципы решения этой проблемы остаются предметом обсуждения, политическим вопросом.

С одной стороны, мы здесь внезапно видим любопытную переключку со Шмиттом, который, как известно, говорил, что вопрос о том, является ли некий вопрос политическим, решается лишь политически. С другой — примечательна та в общем нескрываемая осторожность и неуверенность, с какой Арендт отвечает своим друзьям. Слабое место ее концепции нащупывается безошибочно не потому, что сама концепция столь неудачна, а потому, что ни для кого из участников дискуссии не было секретом отдаваемое Арендт предпочтение политике героической. Когда она мыслила иное понятие государства, у нее возникал образ такого совместного обсуждения дел, которое имело черты как республиканизма, так и той формы непосредственного народовластия, которую некогда представляли собой Советы. При этом она хорошо отдавала себе отчет в том, что исторически, кроме современного ей социального государства, просвещенческий идеал гуманного отношения к человеку пытались осуществить только в немецком полицейском государстве. Немецкое полицейское государство — это и есть как раз то прусское государство, в котором, как говорит Шмитт, есть полиция, но нет политики. Именно в этом случае мы понимаем, что вопрос представляет значительную сложность. С одной стороны, мы видим, что Шмитт неудовлетворенный, на самом деле вовсе не желающий такого представления о совместной жизни людей, как благоустроенная жизнь в полицейском государстве, рассказывает о политике как об экзистенциальном противостоянии, о политическом, которое всегда возможно только как напряжение, последняя битва, война. При этом, однако, его последнее слово, точнее, его предпо-

следнее слово — это то, что определенного рода условие совместного существования, физического существования, безопасности является несомненным условием, безусловным началом политической жизни людей. И для этого требуется признание права, права без которого жизнь людей, совместная жизнь людей была бы не возможна. С другой — мы видим Арендт, которая претерпевает схожую эволюцию. Она начинает с героического представления о политике. Потом все-таки приходит к тому, что необходимо учитывать и социальное государство, и сострадание к другим людям, и все остальное. Но у нее нет (мне это кажется довольно примечательным и заслуживающим исследовательского отношения) развитого представления о государстве и праве. У нее все действия людей, которые совершаются, могут, конечно, и должны иметь правовой аспект, но, вообще говоря, она не рассматривает право как важную тему, исключая, пожалуй, послесловия ко второму изданию «Эйхмана в Иерусалиме». Но это слишком длинный и сложный сюжет.

Новое начало, радикальное авторство, то что по-английски называется *natality*, то есть способность человека быть абсолютным началом, свободным в мире — все это противоречит самой концепции права, которая старше, важнее и не находится в зависимости от человеческого произволения. Той самой концепции, которая есть у Шмитта, хотя Шмитт благодаря этому как раз попадает в ловушку признания правом того, что производится даже тоталитарным государством, тогда как Арендт видит эту ловушку и может ее обойти. И вот на чем я бы хотел завершить. В самом конце жизни Шмитт указывал (это известная его работа «Политическая теология II») о том, что самой большой проблемой человека является сам человек. Он писал латинские стихи, в которых есть строчка «*peto contra hominem nisi homo ipse*» («никого нет против человека, кроме самого человека»). Человек, над которым нет Бога, общепризнанного права, человек, который сталкивается с другим человеком просто как с человеком, является в высшей степени опасным. Совместное существование людей — это столкновение опасных существ между собой. Это в каком-то

смысле последние слова Шмитта. Заключительное же слово Арендт — это просвещение, сострадание, суждение вкуса. Кто из них прав? Мне бы хотелось думать, что Арендт, но полной уверенности у меня нет.

Список литературы

1. *Пленков О. Ю.* Триумф мифа над разумом. СПб., 2011.
2. *Arendt H.* Ich will verstehen / Hrsg. v. U. Lutz. München ; Zürich, 2007.
3. *Arendt H.* Macht und Gewalt. Mit einem Interview mit Adelbert Reif. 18. Aufl. Zürich ; München, 2008. S. 130.
4. *Arendt H.* Vita activa, oder Vom tätigen Leben. München ; Zürich, 2007.
5. *Arendt H.* Was ist Politik? München ; Zürich, 2010.
6. *Kalyvas A.* Democracy and the Politics of the Extraordinary: Max Weber, Carl Schmitt, and Hannah Arendt. Cambridge, N. Y. ; Cambridge, UK, 2008.
7. *Moeller van den Bruck A.* Das Dritte Reich. Berlin, 1923.
8. *Schmitt C.* Der Begriff des Politischen. Text von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien. Berlin, 1963.
9. *Schmitt C.* Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum (1950). 5. Auflage. Berlin, 1985.

Вольфганг Хойер
(Берлин, Германия)

Чудо действия — но кто именно действует? Размышление о значении личности

Рассматривается вопрос о том, возможна ли свобода поступка, свободное действие не только в условиях тоталитаризма, но и в современном неолиберальном государстве Запада. Проблема здесь, по мнению автора, заключается в том, что мало кто в современном демократическом государстве готов активно действовать, совершать поступки: большинство граждан не видит в этом необходимости и полагает, что демократическое государство и так достаточно эффективно. На примере жизни и творчества Арендт демонстрируется, что вопреки мнению, распространенному в академической среде и в обществе в целом, теории не пишутся в кабинетах, а требуют активного действия.

The article deals with the question of whether the freedom of action, free action is possible, not only in terms of totalitarianism, but in today's neo-liberal states of the West. According to the author the problem here lies in the fact that few people in the modern democratic states are ready to be active, to do things: the majority of citizens do not see the need for that and believe that a democratic state is functional enough. On the example of the life and work of Arendt the author demonstrates that, contrary to the view that is common in academic circles and in society as a whole, the theory is not written in the offices, but requires active participation.

Ключевые слова: Ханна Арендт, действие, тоталитаризм, личность, индивидуум, способность суждения.

Key words: Hannah Arendt, action, totalitarianism, person, individual, capacity to judge.

© Хойер В., 2015

© Колбанёва С., пер. с нем., 2015

...das Wunder, das den Lauf der Welt und den Gang menschlicher Dinge immer wieder unterbricht und vor dem Verderben rettet.

Hannah Arendt

...Чудо, вновь и вновь прерывающее круговращение мира и ход человеческих вещей и спасающее их от гибели...

*Ханна Арендт*¹

1. Бездействие и дилемма действия в современном мире

У Ханны Арендт есть заманчивый тезис о том, что часто, когда вся политическая активность умирает, как это было во время господства тоталитаризма в Восточной Европе, совершенно неожиданно простые люди начинают действовать сами и сами дают начало чему-то новому, как, например, в Венгрии в 1956 году, где эти действия вылились в революцию. Хотя она и была подавлена, но все же показала, что активные действия и новые начинания возможны даже в самых тяжелых условиях. Это знание придало мужества «Пражской весне» 1968 года и наконец мирным революциям в Восточной Европе в 1989 году. Все эти акты — начинания чего-то нового — базировались на знании того, что по ту сторону тотальности реального мира, «реального социализма», есть другой мир, который нельзя просто отождествлять с «реальным капитализмом». Этот новый мир заключался в открытой ориентации на будущее, в свободном решении субъектов действия, но также и в ориентации на сохранение и оживление того, что подавлялось или вытеснялось.

¹ *Arendt H. Vita activa oder Vom tätigen Leben. München ; Zürich, 2002. S. 243 ; Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер В.Б. Библина. СПб., 2000. С. 328.*

То, что означает продолжение существования подавленного и вытесненного, предполагает возможность альтернативы. Арендт описала в своей теоретической работе о Венгерской революции на примере, который она взяла из газетных сообщений.

Российский писатель Борис Пастернак, которого не убили, не вынудили эмигрировать, но на десятилетия заставили замолчать, в 1946 году был приглашен на публичные чтения в Москве, на которые «собралось невиданное количество народа, хотя его имя, после долгих лет молчания, было известно лишь как имя переводчика Шекспира и Гёте. Он читал свои стихотворения, и так случилось, что во время чтения одного старого стихотворения лист бумаги выпал у него из рук».

Далее Арендт цитирует газетную заметку:

Вдруг голос в зале начал повторять слова по памяти. Из разных концов зала к нему присоединились другие голоса. Декламация прерванного стиха закончилась хоровым чтением².

Подавленное и вытесненное все это время присутствовало в реальности.

Что ж, теперь уже не только тоталитаризм становится великим вызовом для вопроса, возможны ли вообще независимое мышление и действие — определенным образом этим вызовом становится сама нынешняя действительность. С концом эпохи биполярного мира и холодной войны происходят огромные преобразования, которые вращаются вокруг двух полюсов: неолиберализма и терроризма. Неолиберализм, с одной стороны, состоит в уменьшении роли государства, приватизации общественных задач, в увеличении общественной задолженности и в необузданной активности банков и финансовых учреждений³, а с другой — терроризм, под которым понима-

² *Arendt H.* Die Ungarische Revolution und der totalitäre Imperialismus // In der Gegenwart, Übungen im politischen Denken II. München, 2000. S. 98.

³ Ср.: *Streeck W.* Gekaufte Zeit. Die vertagte Krise des demokratischen Kapitalismus. Berlin, 2013.

ются асимметричные войны и их этнизация, взаимные объявления войны террористическими группами по отношению к целым народам или государствам и те же объявления войны со стороны государств по отношению к террористическим группам, а также бесконтрольная слежка государства и частных компаний за глобальными интернет-коммуникациями.

Мы стоим перед дилеммой, поскольку кажущийся вывод звучит так: альтернативы нет ни в вопросах международной финансовой сферы и преодоления кризисов, ни в вопросах безопасности. И в то же время утеряны критерии оценки того, какие действия и обоснования могут быть оправданы. Британский писатель индийского происхождения Салман Рушди спрашивает, кого в нынешнем мире можно считать мужественным политиком: Уго Чавеса и Фиделя Кастро, противников «империализма», или Саркози, который одобрил военную интервенцию в Ливии, чтобы поддержать повстанцев против Каддафи, губернатора пакистанской провинции Пенджаб, который два года назад заслонил собой христианку, приговоренную к смерти за богохульство, или его телохранителя, который убил своего начальника, был с восторгом встречен в суде и осыпан лепестками роз?⁴

Каждое действие, любой поступок, продолжающий традиции Венгрии 1956 года или Праги 1968 года, ввиду возможности поражения кажется не только рискованным, но и в высшей степени опасным. Американские разоблачители-*whistleblower*, выступающие за свободу информации, или активные пользователи сети «Твиттер» в арабских странах, приверженцы свободы вероисповедания, подвергаются преследованиям во всем мире. Общий девиз звучит так: не действовать, не рисковать, не подвергать себя опасности. Кроме того, кажется, что в правовом государстве, где все более-менее упорядочено, происхо-

⁴ *Rushdie S.* Wir müssen unsere Stimme erheben // Frankfurter Allgemeine. 2013. 2 Mai.

дит как бы само собой, конституция регулирует основополагающие вещи, а демократические учреждения и институты заботятся о том, чтобы право побеждало, а справедливость торжествовала. Во время европейского кризиса большинство политиков приводят аргумент Маргарет Тэтчер: *There is no alternative* («Альтернативы нет»), на что оппозиция умолкает, а кризис продолжается. К тому же среди политиков распространена позиция, что ни политике, ни опыту действия невозможно научить как в школе. Совершенно иначе думал Макиавелли, который сравнивал собственный опыт с политическим опытом времен античного Рима, собранным воедино в трудах античного же историка Тита Ливия, чтобы обнаружить что-то общее, сделать из этого поучительные выводы. Соответственно, в академической среде и среди общественности главенствует мнение, что теории рождаются за письменным столом, они являются результатом тяжелой умственной работы специалистов и исследовательских групп, которые трудятся в университетах и так называемых *Think Tanks* (мозговых центрах).

Но жизнь и творчество Ханны Арендт свидетельствуют об обратном. Весь свод трудов Арендт исходит из ее собственного опыта как еврейки, беженки, политической мыслительницы и человека действия. В то же время она в своих работах учитывает мнения людей на разных отрезках времени и в тех обстоятельствах, которые она исследует. Так, незадолго до своей эмиграции из Германии она начала работу о проблемах ассимиляции на примере еврейки Рахель Фарнхаген — работа была представлена в форме текста, который Фарнхаген «сама... могла бы рассказать...Изложение с максимально возможной точностью [следовало] за размышлениями самой Рахели»⁵ и исключало любые толкования. В своей книге о тоталитаризме она описывает первую встречу европейских колонизаторов с

⁵ *Arendt H. Rahel Varnhagen. Lebensgeschichte einer deutschen Jüdin aus der Romantik. München, 1981. S. 10.f.*

африканскими аборигенами на основе романа «Сердце тьмы» Джозефа Конрада, чтобы отразить их глубочайшее отчуждение и расизм. Так и рассказ о выступлении Пастернака, как мы увидели, занимает ключевую позицию в анализе политических феноменов.

Что примечательно, в политико-научном семинаре под названием «Политический опыт в XX веке» Арендт использовала исключительно литературу и автобиографические источники, чтобы передать студентам временной контекст и поупражнять их способность суждения посредством тренировки широкого образа мысли. То есть она не обсуждала значение широкого образа мысли у Канта, а практиковала его. Если она и говорила о теории, то в смысле понимания, а не в смысле науки⁶.

В заметках к этому семинару, который Арендт проводила трижды, она отмечала различие между авторами и комментаторами. Если она говорила о политической теории, как, например, во время семинара «История политической теории» в Беркли в 1955 году, то это происходило на фоне принципиального различия между ролями, которые играют авторы и комментаторы. У таких классиков Нового времени, как Гоббс, Локк или Монтескьё, ее не интересовало, что они были теоре-

⁶ В записках к семинару 1965 года Арендт под конец спрашивает: «Что общего у [темы способности воображения] и политической теории? Различие между теорией и мыслью: осмысление любого события, о котором вообще можно вспомнить. Пересказывание истории — это подходящий способ поразмышлять думать о ней. Из этого и возникает теория. Теория, которая создаётся здесь и сейчас, находится, как и любая современность, между прошлым и будущим — то есть между воспоминанием и ожиданием. У Кафки есть притча: две силы, воздействующие на человека так, что он и думает, и действует. Это не теория, но это совершенно точное определение места теоретика» (“Political Experiences in the Twentieth Century”. Cornell, 1965, неопубликованное наследие, Библиотека Конгресса США, Вашингтон, лист 023762).

тиками — но это были мыслители. По Арндт, опыт и слова предшествуют идее, а не наоборот. Ее же интересовало, какой это опыт и какие слова. По этой причине она скептически относилась к сфере политической теории. Политическая теория, по ее мысли, движется между опытом истории и понятиями философии и уже стала неким местом встречи («своего рода локацией для встреч»⁷) разочарованных философов либо разочарованных государственных мужей. Авторы — это те, кто в буквальном смысле слова обогащают мир своими работами и живут в том же мире, что и мы, а именно в «реальном мире», в то время как комментаторы живут в мире книг:

Авторы есть *auctores* / творцы / акторы, что означает — они обогащают мир. Мы живем в мире, который обогащается за счет авторов. Мы не можем от них отказаться, они принадлежат нашему миру, причем совершенно иным способом, нежели комментаторы⁸.

Мир, по Арндт, «в котором живет комментатор, это мир книг; мир, в котором живет автор, тот же самый, в котором находимся и мы, мир действительный, реальный»⁹.

Это отличие четко прослеживается на примере такой личности, как Макиавелли. «Макиавелли был, если можно так сказать, заинтересован в Италии, а не в политической теории, даже своей собственной. Только комментатор интересуется политической теорией *per se*, в чистом виде»¹⁰.

Хотя автор, политический писатель, любит мир, а комментатор — лишь политическую теорию, мы не можем отказаться и от комментатора, поясняет Арндт,

⁷ „A kind of meeting ground“. *History of Political Thought*. Berkeley, 1955, Библиотека Конгресса США, Вашингтон, лист 23943.

⁸ *Ibid.*

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.*

ведь надобно знать, что мы вместе с ним находимся в мире, который, строго говоря, уже не является миром автора, но в то время, когда мы напрямую читаем работу автора, мы находимся в том же самом мире, только заходим в него с другого угла¹¹.

Подведем итоги под всем вышесказанным. Мы живем в мире мнимой безальтернативности, всегда есть возможность действовать, которая открывает неожиданное и новое, и для этого мы должны обращаться не к комментаторам и футурологам, а к авторам и к миру опыта — и тогда возникает вопрос акторов, то есть действующих лиц. И вот тут мы находим в работах Ханны Арендт описания этих действующих лиц, которые, как и авторы, — уникальные и неповторимые личности, и не являются тем, что сегодня называют индивидуумами. Индивидуумы, которые в буквальном смысле слова представляют собой мельчайшие неделимые единицы, в то время как личности в буквальном смысле играют свою роль в межличностных событиях. Далее я хотел бы подробнее рассмотреть два аспекта:

1. Что характеризует «личность» в отличие от «индивидуума»?
2. Что означает принять точку зрения и вынести суждение?

2. Какую роль играет «личность» в отличие от «индивидуума»?

Особым отличительным признаком личности является ее зримость и неповторимость, она не растворяется в массе, как это происходит с индивидуумом. Зримой она становится посредством ее межличностного, но и самостоятельного действия. Она действует как в общих интересах вместе с другими,

¹¹ „A kind of meeting ground“. History of Political Thought. Berkeley. Лист 023944.

так и вопреки интересам других людей, она действует совместно и в то же время в одиночку. В посмертно изданном тексте лекции «О зле» Арендт описывает значение личностного бытия как предпосылки для противостояния злу. При этом «бытие личностью» отличается от «бытия-лишь-человеком»¹². И если следовать ее тезису о внутреннем диалоге, о разговоре с самим с собой, то

мы можем сказать, что в ходе этого мыслительного процесса, во время которого я актуализирую это специфическое отличие человека, язык, четко определяю себя как личность и остаюсь единицей в массе, поскольку постоянно сохраняю способность к подобному самоопределению. Если это и есть то, что мы обычно называем личностью — и это никак не связано ни с одаренностью, ни с образованностью — то это просто почти автоматический результат задумчивости. Иными словами, если дается прощение, то этим прощается не преступление, а личность; когда у зла нет корней, то нет и личности, которой можно было бы простить¹³.

Этот внутренний диалог не зависит от морального содержания, но даже тот простой факт, что человек, которого поначалу характеризует только «бытие-лишь-человеком», ведет этот внутренний диалог с тем, чтобы достичь согласия с самим собой, уже имеет моральное измерение. Поэтому было бы «практически излишним говорить о моральной личности»¹⁴. И тут Арендт добавляет в высшей степени интересный аспект. Бездумность означает, следовательно, не только потерю морали и раскрытие ворот перед варварством, но и утрату художественного качества.

¹² *Arendt H. Über das Böse. Eine Vorlesung zu Fragen der Ethik. München, 2006. S. 77f.*

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Ibid. S. 77.*

Для Арендт искусство играет столь же важную роль, как и действие:

поскольку мышление является деятельностью, оно может быть перенесено на продукты деятельности, на такие объекты, как стихотворения, музыкальные произведения или картины. Все подобные вещи фактически служат объектами умственной деятельности, как и мебель и предметы каждодневного обихода по праву могут быть названы предметами потребления. В ситуации с высококультурными убийцами ни один из них не написал стихотворения, которое было бы достойно того, чтобы о нем вспомнили, не сочинил ни единого более-менее приличного музыкального произведения и не создал ни одной картины, которую кому-нибудь хотелось бы повесить на стену. Для того чтобы сочинить хороший стих или музыкальную пьесу, написать хорошую картину, требуется больше, чем одна только задумчивость — тут нужен особый талант. Но ни один талант не выдерживает потери целостности — той целостности, которую вы теряете, если вы потеряли эту общую способность к мышлению и воспоминанию¹⁵.

Данное определение личности касается в равной степени всех людей, будь то рабочий, профессор или политик. То, что и мораль, и художественные качества в равной степени базируются на независимом мышлении и, как рассуждает Арендт в другом месте, на независимом суждении, проявляется и в нашей повседневной речи, когда мы говорим о «красивом» или «безобразном» жесте или, напротив, о «внутренней красоте» целостного человека. При этом, по Канту, дело в гармонии познавательных способностей как с точки зрения внутренних пропорций, так и в отношении свободного сосуществования познавательных возможностей и их взаимного оживления¹⁶.

¹⁵ *Arendt H.* Über das Böse. Eine Vorlesung zu Fragen der Ethik. S. 79 и далее.

¹⁶ Ср. *Arnold M.* Die harmonische Stimmung aufgeklärter Bürger. Zum Verhältnis von Politik und Ästhetik in Immanuel Kants “Kritik der Urteilskraft” // *Kant-Studien*. 2003. Bd. 94. S. 24—50.

Это гармония, которая устанавливается между формой и содержанием, а также между способностью воображения и рассудком, хотя при этом речь не идет о рациональном когнитивном суждении¹⁷.

Прежде чем Арендт занялась темой эстетической способности суждения у Канта, она указала на труднообъяснимое «понимающее сердце», о котором говорит царь Соломон в Библии. Оно включает и чувство, и рассудок в равной степени. Только «понимающее сердце» (а не одно лишь размышление или чувство) (делает) для нас выносимой... жизнь с другими, чужими людьми в одном мире, и (позволяет) ... вынести это»¹⁸.

То, что эта близость между этикой и эстетикой и взаимодействие между чувством и рассудком лишь очень приблизительно поддаются определению, есть цена свободы и возможностей действия для личности.

Если мы последуем за Ханной Арендт в этих умозаключениях, то обнаружим традицию мысли, к которой имеет смысл присоединиться. Она восходит к дискуссиям XVIII века о понятии вкуса как способности суждения в секуляризованном, светском обществе, все более ориентированном на свободу. Там мы найдем, к примеру, высказывание Мельхиора Гримма, более или менее забытого немецкого деятеля эпохи Просвещения, эссеиста и дипломата XVIII века. Он писал: «Предпосылкой к развитию и совершенному вкусу являются острый ум, восприимчивая душа и праведное сердце». Далее он развивал свою мысль:

Когда добродетель и красота не вызывают у нас мягкого возбуждения, которое составляет чистоту и счастье благородного и восприимчивого сердца, как бы мы могли тогда иметь вкус, который только лишь через это чувство и способен к суждению? Отсюда следует, что мудрейшие люди имеют наибольший вкус¹⁹.

¹⁷ Ibid. S. 32.

¹⁸ *Arendt H. Verstehen und Politik // Eadem. Zwischen Vergangenheit und Zukunft, Übungen im politischen Denken I. München, 1994. S. 126.*

¹⁹ *Grimm M. Paris zündet die Lichter an. Literarische Korrespondenz. Leipzig, 1977. S. 121.*

При этом вкус явно означает не только эстетическое, но и моральное суждение. В этой трилогии равно незаменимыми стали все три элемента в условиях взаимодействия. Разум сам по себе, без сердца и души, может стать бесчеловечным, восприимчивая душа от пушего сострадания — аполитичной, а праведное сердце без разума — потерять ориентиры. Однако уже при Канте время исследования условий независимого суждения подходило к концу; в XIX и XX веках на смену способности суждения пришли логические выводы, идеологии и системные теории.

Но есть исключения. К традиции Просвещения, на которую ссылается Ханна Арендт, принадлежит также писатель и журналист Джордж Оруэлл. Весь его труд пронизан основополагающим предположением достойной повседневной жизни обычных людей как силы, противоположной потере ориентиров в век идеологии. «Это кажется банальностью, — писал он, однако его послание звучит весьма просто, — но если бы люди вели себя порядочно, мир был бы порядочным»²⁰. При этом он пытался сделать то, что он называл «всеобщей порядочностью», компасом для политики не только в приложении к отдельной личности, но и к общественно-политической жизни в целом. По Оруэллу, эта всеобщая порядочность зиждется на всеобщих, повседневно-практических моральных нормах и обычаях. В своей открытости и гибкости они отличается от явных и жестких моральных устоев «доброго человека». Оруэллу важно было не абстрактное человеческое достоинство как ценность, которую нужно защищать, а отношение в обществе, которое чувствует обязанность быть порядочным, обещивает и защищает это:

Порядочная жизнь нуждается в общественных правилах, которые и делают возможной эту порядочную жизнь; они состоят в уважении к другим, в предотвращении господства, унижения,

²⁰ *The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell*. L., 1968. Vol. 1. P. 417.

социального, экономического и культурного неравенства. Самые большие доходы должны быть не более чем в десять раз выше, чем самые маленькие. Все законы должны уважать порядочную жизнь, требовать ее соблюдения и включать всех граждан в “законодательную власть обычной жизни” (*pouvoir constituant des vie ordinaries*)²¹.

Это звучит в духе социализма, но Оруэлл был против социализма своего времени, который он считал олигархическим коллективизмом и который в Англии привлекал только маргиналов и интеллектуалов. «В нашей стране, — писал он, — либералы боятся свободы, а интеллектуалы готовы на любую гадость против мышления»²². Доказательством тому служит тот факт, что «прямые сознательные нападки на интеллектуальную порядочность исходят от самих интеллектуалов»²³.

Этот аспект порядочности указывает на то, что у Арентс является основой всех ее рассуждений о политике, политических действий и независимого суждения: в политическом обществе нашего времени нужно вернуться в центр и определить границы варварства, вплоть до самых тончайших.

²¹ *Bégout B. De la décence ordinaire. P., 2008. P. 88.*

²² *Ibid. P. 47.*

²³ *Ibid. P. 70.* В частности: “The thing that frightens me about the modern intelligentsia is their inability to see that human society must be based in common decency, whatever the political and economic forms may be” (*Ibid. P. 531*). («Что меня пугает в современной интеллигенции, так это их неспособность увидеть, что человеческое общество должно базироваться на общей порядочности, какими бы ни были политические и экономические формы»). Роберт Коулз установил у Оруэлла примечательное равновесие между конкретикой и теорией: «He himself had a sensibility that loved negotiating those two polarities, the concrete and the theoretical, and one wonders that he never lost his balance» (*George Orwell’s Sensibility // Reflections on America, 1984. An Orwell Symposium / ed. by R. Mulvihill. Athens ; L., 1986. P. 52*) («Он сам обладал восприимчивым характером, любил преодолевать две этих полярных точки, конкретику и теорию, и удивительно, что он никогда не терял равновесия).

Как и Арендт и Оруэлл, Альбер Камю сделал «чувство меры и утрату чувства меры» главной темой своей книги «Бунтующий человек», которая стала серьезной провокацией для интеллектуалов марксистского толка после Второй мировой войны. Революционные заблуждения, поясняет он, не учитывали естественные человеческие границы, можно даже сказать, неприкосновенность человека; они предали истоки «мысли об ограничениях». Опыт революций Нового времени показывает, что «революция, не имеющая иных границ, кроме ее исторической действительности, означает безграничное рабство»²⁴. Задача бунта в том и состоит, чтобы в постоянном критическом анализе современных условий по-новому определять место меры и центра.

В этом и состоит актуальность этих трех авторов, Арендт, Оруэлл и Камю: рассматривая в своих сочинениях феномен тоталитаризма, они описывали условия порядочного, достойного общества, которому сегодня угрожают антиполитические эксцессы неолиберализма.

3. Что означает — принять точку зрения и вынести [с этой точки зрения] суждение?

Для Арендт тут есть три смысла: во-первых, необходимость того, что она обозначает как «быть в мире», во-вторых, понимание свободы как «свободы к чему-то», как интересующей, совместной свободы, которая неразрывно связана с ответственностью, и, в-третьих, образование сообщества по суждению, то есть отбор тех, с кем вместе хотелось бы действовать и судить и с которых хотелось бы брать пример.

Что касается первого аспекта, «быть в мире», то здесь речь идет о четкой смене перспективы в истории мысли Нового времени. Не с позиции субъективизма Нового времени, по которому индивидуум противопоставлен массе, не с позиции *Cogito ergo sum*, а с точки зрения «между», с позиции людей,

²⁴ Camus A. Der Mensch in der Revolte. Reinbek, 2006. S. 299.

действующих совместно друг с другом, Ханна Арендт видит мир и дает ему определение. Это место расположения действующих субъектов или зрителей, заинтересованных в этом действии. Тот, кто не имеет интереса к совместному миру, сам себя из него исключает. Именно из этого совместного мира Арендт дает определение тому, что объединяет людей. Это не разум, который мы так часто приводим как аргумент в пользу нашего отграничения от других живых существ, а способность воображения. В своем философском дневнике Арендт писала об этом:

Но поскольку не самосвязанный разум, а только способность воображения позволяет нам «мыслить с точки зрения любого другого», то это не разум, а способность воображения устанавливает взаимосвязь между людьми. Само-чувствованию, разуму, жизнь которого состоит в «я мыслю», противостоит миро-чувствование, которое живет другими — пассивно, как общее чувство, и активно, как способность воображения²⁵.

Из этой межличностной перспективы проистекает второй аспект, согласно которому свобода должна пониматься как «свобода к чему-либо», как интерсубъектная, совместная свобода, которая неразрывно связана с ответственностью всех за то, что происходит в их политическом окружении. В случае с ответственностью речь идет не о моральной или юридической вине за собственные действия, а об ответе в буквальном смысле, о знании того, что общие, совместные действия решают, будем ли мы жить в порядочном обществе или нет. В эссе «Коллективная ответственность» Арендт пишет:

Заместительная ответственность за вещи, которых мы не делали, принятие на себя последствий вещей, в которых мы совершенно не виноваты, это цена, которую мы платим за то, что живем не наедине лишь с самими собой, а в кругу наших спут-

²⁵ *Arendt H. Denktagebuch, 1950—1973 / Hrsg. U. Ludz und I. Nordmann. München ; Zürich, 2002. S. 570.*

ников. Это цена за то, что способность к действию, которая в конце концов является политической способностью *par excellence*²⁶, может быть реализована только во многих разнообразных формах человеческой общности²⁷.

Место расположения в межличностных связях и в гуще политического сообщества означает, что суждение само по себе является интерсубъективным. И здесь мы снова натываемся на наследие просвещенного XVIII века, когда Арндт в эссе «Культура и политика» отмечает, что вкусу присуща организаторская сила удивительной мощи:

Мы же все знаем, что люди мало по чему еще так быстро распознают друг друга и так безусловно чувствуют себя сопричастными друг другу, как по схожим мнениям в вопросах того, что нравится, а что нет. Как будто вкус решает не только, как должен выглядеть мир, но и то, кто в этом мире должен быть вместе друг с другом²⁸.

Читатели Ханны Арндт постоянно воспринимали это высказывание как выражение элитарного, аристократического, а следственно, антидемократического поведения и отвергали его. Но при этом не замечали, что для Арндт важно было не только общее суждение, но и «осознание качества», «способность заметить очевидность красоты». Важно не то, что мы как-то более-менее сообщая можем выносить суждение; решающим является, КАК мы судим. С ростом качества и качественного осознания суждения увеличивается гуманность общества. В сфере политики это означало бы способность распознавать и судить качество политически разумного, а также благодаря качественному сознанию судящих вносить свою

²⁶ Par excellence (фр.) — по преимуществу, преимущественно. — Прим. пер.

²⁷ *Arendt H.* Kollektive Verantwortung // Debatte. Bd. 4 : Politik und Moderne / Heinrich-Böll-Stiftung. Bremen, o. J. S. 15f.

²⁸ *Arendt H.* Kultur und Politik. S. 301.

лепту в улучшение политически разумного. Итак, мы видим, что у Арендт этика и эстетика, политика и культура расположены очень тесно друг с другом:

Вкус как выносящая суждения деятельность соединяет культуру и политику, которые и без того сосуществуют в пространстве публичного, и выравнивает напряжение между ними, которое проистекает из внутреннего конфликта, в ходе которого постоянно сталкиваются друг с другом производящая деятельность и действие²⁹.

Итак, на действующих и выносящих суждения личностей возложена большая ответственность за гуманизацию нашего общества. Поэтому не случайно Арендт в портретах писателей, политиков и ученых, которые она писала по различным поводам и которые опубликовала в своей книге «Люди в темные времена», постоянно возвращалась к описанию личностных качеств. Так, она восхищалась критической способностью Лессинга:

Критика в лессинговском смысле — это такое отношение, которое всегда выступает в интересах мира, понимая его и оценивая с соответствующей позиции и таким образом никогда не может стать мировоззрением, которая остается независимой от прочего опыта в мире, потому что она направлена на возможную перспективу³⁰.

Что касается Розы Люксембург, то Арендт хвалила ее морально-культурную подоплеку, которая объяснялась происхождением из ассимилированных польских евреев, а они отличались выдающимся литературным вкусом, независимыми моральными понятиями и отсутствием социальных предрассудков³¹.

²⁹ *Arendt H.* Op. cit. S. 302.

³⁰ *Arendt H.* Waldemar Gurian // *Eadem. Menschen in finsternen Zeiten.* München, 1989. S. 22.

³¹ *Ibid.* S. 57 и далее.

В некрологе на смерть друга Вальдемара Гуриана, ректора американского университета Нотр-Дам, она похвалила его добродетели в очень личном политическом некрологе, что было совершенно нетипично для такого политологического журнала, как “The Review of Politics”.

В этом некрологе Ханна Арендт превозносила способность Гуриана дружить, причем дружба это была не задушевно близкая, а открытая, покоящаяся на совместной ответственности за нашу участь. Он пришел как чужак, указывала Арендт, но «в этом мире он построил себе жилище, а благодаря дружбе создал себе пристанище на земле»³².

Она хвалила его:

...верность друзьям, каждому, кого он когда-либо знал, весь настрой его жизни, так что возникает даже соблазн утверждать, что такое преступление, как забывчивость, было максимально далеко от него — преступление, которое в сфере человеческих взаимоотношений, пожалуй, является одним из самых тяжких³³.

Она превозносила его человечность, что означает нечто большее, чем простое дружелюбие, а также его доброту, которая открывает нам глаза на заблуждение,

в коем мы отождествляем себя с тем, что мы делаем и чем занимаемся. При этом мы часто забываем, что приоритетным правом каждого человека является то, что по сути и существу своему он представляет гораздо больше, чем все, что он может произвести и чего может достичь³⁴.

Гуриан был одним из немногих, кого знала Арендт, кто «сохранил полную независимость от бюргерского понимания достижения», потому был «образцом человека»³⁵.

³² *Arendt H.* Waldemar. S. 323.

³³ *Ibid.* S. 313.

³⁴ *Ibid.* S. 317.

³⁵ *Hannah Arendt / Kurt Blumenfeld.* “...in keinem Besitz verwurzelt”. Briefwechsel. Hamburg, 1995. S.52.

Наконец, Арндт хвалила гуриановскую независимую способность суждения,

его безошибочное чувство качества и значимости... В нечастых случаях, когда люди обладали этим чувством и все-таки принимали решение не разменивать его на легче распознаваемые и проще принимаемые ценности, он безошибочно шел дальше, перешагивая через условности и устоявшиеся общественные нормы, выступая навстречу опасности той жизни, которая более не защищена стенами объектов и контрфорсами объективных оценок³⁶.

Поэтому Гуриан был нонконформистом и одновременно реалистом. «Все существование его духа было построено на решении никогда не приспособливаться и никогда не убежать, другими словами, оно было основано на мужестве»³⁷.

Он радовался, когда ему удавалось разрушить барьеры так называемого цивилизованного общества, потому что он видел в них преграды, отделяющие человеческие души друг от друга. Невинность и мужество были источниками этой радости — невинность тем более чарующая, что она произрастала в мужчине, который невероятно хорошо знал этот мир и поэтому собирался со всем мужеством, к которому был способен, чтобы сохранить свою первоначальную невинность живой и неповрежденной. Он был очень мужественным человеком³⁸.

С такими людьми и нам хотелось бы дружить, населять наш мир и формировать нашу политику. Ханна Арндт не только вселяет в нас уверенность, что альтернатива есть всегда, она побуждает спорить о качестве этой альтернативы.

Пер. с нем. С. Колбанёвой, под ред. А. Н. Саликова

Список литературы

1. *Arendt H. Vita activa, или О деятельной жизни.* СПб., 2000.
2. *A kind of meeting ground. History of Political Thought.* Berkeley, 1955, Библиотека Конгресса США, Вашингтон, лист 23943.

³⁶ *Arendt H. Waldemar Gurian. S. 318.*

³⁷ *Ibid. S. 321.*

³⁸ *Ibid. S. 319.*

3. *Arendt H.* Rahel Varnhagen. Lebensgeschichte einer deutschen Jüdin aus der Romantik. München, 1981.
4. *Arendt H.* Verstehen und Politik // Eadem. Zwischen Vergangenheit und Zukunft, Übungen im politischen Denken I. München, 1994.
5. *Arendt H.* Waldemar Gurian // Eadem. Menschen in finsternen Zeiten. München, 1989.
6. *Arendt H.* Denktagebuch, 1950—1973 / Hrsg. U. Ludz und I. Nordmann. München ; Zürich, 2002.
7. *Arendt H.* Die Ungarische Revolution und der totalitäre Imperialismus // In der Gegenwart, Übungen im politischen Denken II. München, 2000.
8. *Arendt H.* Kollektive Verantwortung // Debatte. Bd. 4 : Politik und Moderne / Heinrich-Böll-Stiftung. Bremen, o. J.
9. *Arendt H.* Kultur und Politik // Eadem. Zwischen Vergangenheit und Zukunft. a. a. O.
10. *Arendt H.* Über das Böse. Eine Vorlesung zu Fragen der Ethik. München, 2006.
11. *Arendt H.* Vita activa oder Vom tätigen Leben. München ; Zürich, 2002.
12. *Arnold M.* Die harmonische Stimmung aufgeklärter Bürger. Zum Verhältnis von Politik und Ästhetik in Immanuel Kants “Kritik der Urteilskraft” // Kant-Studien. 2003. Bd. 94.
13. *Bégout B.* De la décence ordinaire. P., 2008.
14. *Camus A.* Der Mensch in der Revolte. Reinbek, 2006.
15. *George Orwell’s Sensibility* // Reflections on America, 1984. An Orwell Symposium / ed. by R. Mulvihill. Athens ; L., 1986.
16. *Grimm M.* Paris zündet die Lichter an. Literarische Korrespondenz. Leipzig, 1977.
17. *Hannah Arendt / Kurt Blumenfeld.* “...in keinem Besitz verwurzelt”. Briefwechsel. Hamburg, 1995.
18. *Political Experiences in the Twentieth Century.* Cornell, 1965, неопубликованное наследие, Библиотека Конгресса США, Вашингтон, лист 023762
19. *Rushdie S.* Wir müssen unsere Stimme erheben // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2013. 2 Mai.
20. *Streck W.* Gekaufte Zeit. Die vertagte Krise des demokratischen Kapitalismus. Berlin, 2013.
21. *The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell.* L., 1968.

Герфрид Хорст
(Берлин, Германия)

Ханна Арендт и Кёнигсберг

Ханна Арендт родилась в местечке Линден под Ганновером, но своим родным городом она считала Кёнигсберг, столицу Восточной Пруссии, где она росла начиная с трехлетнего возраста. Рассматривается вопрос о влиянии проведенного в Кёнигсберге детства на дальнейшую судьбу философа. Так, к примеру, интерес к философии Канта, знакомство с которым юная Ханна начала еще в четырнадцатилетнем возрасте, Арендт пронесла через всю сознательную жизнь. Также духовными учителями были уроженцы Восточной Пруссии Иоганн Георг Гаманн, Иммануил Кант и Иоганн Готфрид Гердер. Автор статьи полагает, что духовное развитие Х. Арендт в значительной степени определялось интеллектуальной средой и историей города Канта.

Hannah Arendt was born in Linden near Hanover, but considered her hometown to be Königsberg, the capital of East Prussia, where she grew up from the age of three. The article discusses the impact of childhood spent in Königsberg on the fate of the philosopher. So, for example, an interest in the philosophy of Kant, familiarity with which the young Hannah began in the age of fourteen, Arendt carried through her entire adult life. Her spiritual teachers were born in East Prussia: Johann Georg Hamann, Immanuel Kant and Johann Gottfried Herder. The author explains that Hannah Arendt's spiritual development was determined to a great extent by the intellectual environment and the history of the city of Kant.

Ключевые слова: Ханна Арендт, Иммануил Кант, Кёнигсберг.

Key words: Hannah Arendt, Immanuel Kant, Königsberg.

© Хорст Г., 2015

© Колбанёва С., пер. с нем., 2015

В брошюре, приложенной к диску с фильмом Маргареты фон Тротта «Ханна Арендт», напечатано краткое жизнеописание философа. Оно начинается со следующих слов: «Ханна Арендт родилась 14 октября 1906 года в Ганновере и выросла в социально-демократической среде ассимилированных евреев. Она изучала философию и теологию в Марбурге и Фрайбурге. Среди ее учителей были Эдмунд Гуссерль и Мартин Хайдеггер». В книгах издательства «Пипер», в котором выходили немецкоязычные переводы работ Ханны Арендт, о ее жизни сказано так: «Ханна Арендт родилась 14 октября 1906 года в Ганновере, умерла 4 декабря 1975 года в Нью-Йорке, изучала философию, теологию и греческий язык, в том числе у Хайдеггера, Бульманна и Ясперса, под руководством которого она в 1928 году получила ученую степень».

Кёнигсберг в этих коротких описаниях даже не упоминается. Действительно, Ханна Арендт родилась не в Кёнигсберге, а в пригороде Ганновера. Но из Кёнигсберга родом были ее родители Пауль и Марта Арендт. Пауль Арендт работал в Ганновере инженером. Когда маленькой Ханне только-только исполнилось три года, у Пауля Арендта ухудшилось состояние здоровья из-за сифилиса, которым он заразился за несколько лет до свадьбы, а позже считал, что вылечился. Он стал нетрудоспособным. Поэтому он с женой и ребенком вынужден были вернуться в Кёнигсберг. Они поселились в районе Хуфен, на улице Тиргартенштрассе, д. 6 (сегодня ул. Зоологическая). Отец Пауля, любимый дедушка Ханны Макс Арендт жил совсем неподалеку, на Гольтц-Аллее (ныне улица Гостиная).

В марте 1913 года Макс Арендт умер, в октябре того же года скончался его больной сын Пауль Арендт. Маленькую Ханну воспитывала ее мать, Марта, урожденная Коон. В 1920 году овдовевшая Марта Арендт вышла замуж за торговца скотными товарами Мартина Беервальда. Он был сыном эмигранта из России, родился и вырос в Кёнигсберге. Марта и ее дочь Ханна перебрались в дом отчима на улице Бузольтштрассе.

се (ныне улица Ермака)¹, буквально в двух кварталах от Тиргартенштрассе. В районе Хуфен жили состоятельные кёнигсбержцы, именно там между Тиргартенштрассе, Гольтц-Аллее и Бузольтштрассе росла маленькая Ханна.

В августе 1914 года, когда началась Первая мировая война, казалось, что русская армия вскоре войдет в Кёнигсберг. Поэтому Марта Арендт вместе с дочерью бежала к своей младшей сестре в Берлин. Там они провели десять недель. В берлинском районе Шарлоттенбург Ханна пошла в школу для девочек. Семья и друзья ее баловали, однако мать писала: «Все равно в ней живет огромная тоска по нашему дому»². Биограф Ханны Арендт, писательница Элизабет Юнг-Брюль, писала:

Марта Арендт неоднократно замечала, что незадолго до начала поездки или перед каникулами, ее дочь заболела, за исключением тех каникул, которые они проводили вместе на Балтийском побережье Восточной Пруссии, «которые она предпочитала любым поездкам»³.

Когда Ханне было шесть лет, а ее родители как раз собирались отправиться вместе с ней в баварские Альпы, у девочки настолько воспалилось горло, что поездку пришлось отменить. Через четыре месяца после возвращения в Кёнигсберг Марта снова захотела поехать вместе с дочерью в Берлин, но у Ханны началась лихорадка, сильный кашель, проявились другие заболевания, такое состояние продлилось десять недель. Следовательно, в детстве Ханна Арендт вела себя как многие другие кёнигсбержцы: она не хотела отсюда уезжать. Маленькая Ханна очень любила краткие выезды на побережье Балтийского моря. У дедушки Арендт имелся летний домик непо-

¹ *Young-Bruehl E.* Hannah Arendt — Leben, Werk und Zeit. Frankfurt a/M., 2004. S. 67.

² *Ibid.* S. 58.

³ *Ibid.* S. 61.

далеку от Кранца (ныне Зеленоградск), бабушка Коон, мать Марты жила в Нойкурене (сегодня Пионерский), и семья охотно проводила там лето⁴.

Ханна Арендт ничего не писала о своем детстве и юности в Кёнигсберге и довольно редко об этом высказывалась. Поэтому мы можем лишь предполагать, в какой мере и каким образом этот первый отрезок ее жизни отразился на дальнейшем взрослении и деятельности.

В телевизионном интервью с Гюнтером Гаусом, записанном в октябре 1964 года, она говорит: «Мой дед был президентом либеральной общины и депутатом городского собрания Кёнигсберга. Я родом из старинной кёнигсбергской семьи»⁵. Что же нам известно об этой «старинной кёнигсбергской семье»? Как пишет уже упомянутая Элизабет Юнг-Брюль, мать дедушки Макса Арендта, то есть прабабушка Ханны, «прибыла в Кёнигсберг во времена Мендельсона, приехав вместе с семьей из России»⁶. Это вряд ли возможно, поскольку Моисей Мендельсон умер в 1786 году, а Макс Арендт родился в 1843 году⁷. В любом случае дедушка по отцовской линии является первым представителем семьи Ханны Арендт, родившимся в Кёнигсберге. Дед по материнской линии Якоб Коон родился в 1838 году в части Литвы, относившейся к России, а в 1852 году вместе со своими родителями бежал в Кёнигсберг из-за юдофобской политики царя Николая I⁸. Бабушка Фанни Коон, урожденная Шпиеро, также в молодости приеха-

⁴ *Schüler-Springorum S.* Hannah Arendt und Königsberg // Geschichte und Kultur der Juden in Ost- und Westpreußen / Hrsg. M. Brocke et al. Hildesheim ; Zürich ; N. Y., 2000. S. 511—529, 517.

⁵ *Arendt H.* Denken ohne Geländer, Texte und Briefe / Hrsg. von H. Bohnet und K. Stadler. München, 2006. S. 219.

⁶ *Young-Bruehl E.* Op. cit. S. 40.

⁷ *Ibid.* S. 648.

⁸ *Prinz A.* Hannah Arendt oder die Liebe zur Welt. Berlin, 2012, S. 19 ; *Heuer W.* Hannah Arendt. Reinbek bei Hamburg, 1987. S. 9.

ла в Кёнигсберг из России⁹. Она говорила по-немецки с сильным русским акцентом и охотно рядилась в русскую крестьянскую одежду¹⁰.

Итак, все предки Ханны Арентд были из России. Единственный, кого можно назвать «старым кёнигсбержцем», — это ее любимый дедушка Макс Арентд. Почему же она не сказала, что происходит из семьи выходцев из России? Ответом может быть только мысль, что она сама воспринимала себя не как потомка российских иммигрантов, а именно как кёнигсбержку.

Как рассказывал Курт Блюменфельд, ментор и друг Ханны Арентд, ставший позднее сионистским политиком — уроженец Восточной Пруссии, он изучал юриспруденцию в Альбертине, то есть в Кёнигсбергском университете, и был вхож в дом Макса Арентда. Хозяин дома был пламенным немцем и цитировал выражение Габриэля Риссера¹¹: «Того, кто отрицает мою немецкость, я сочту убийцей»¹². Напротив, его внучка Ханна Арентд не рассматривала себя в качестве немки. Карл Ясперс как-то сказал: «Разумеется, вы немка!» Она ответила: «Да видно же, что нет!»¹³ В письме, адресованном Свободному университету Берлина и написанном в 1964 году, она упоминала «Кёнигсберг, мой родной город»¹⁴. Пусть она и не воспринимала себя как немку, но все-таки считала себя кёнигсбержкой.

Один из немногих ныне живущих уроженцев Кёнигсберга, которым пришлось носить желтую звезду Давида и которые своими глазами видели закат Кёнигсберга, писатель и музыкант Михаэль Вик дал описание того, какое впечатление производил Кёнигсберг на ребенка:

⁹ *Schüler-Springorum S.* Op. cit. S. 513.

¹⁰ *Young-Bruehl E.* Op. cit. S. 43.

¹¹ Габриэль Риссер (1806—1863), гамбургский советник Верховного суда, был первым в Германии судьёй-евреем.

¹² *Schüler-Springorum S.* Op. cit. S. 514.

¹³ *Interview mit Günter Gaus // Arendt H.* Denken ohne Geländer. S. 221.

¹⁴ *Manthey J.* Königsberg — Geschichte einer Weltbürgerrepublik. München ; Wien, 2005. S. 612.

Кёнигсберг был городом, который невероятно питал детскую фантазию. Прямо сказать, детский город-мечта... с величественным замком в центре. Перед ним стоял кайзер — огромный, больше человеческого роста, в короне, с грозно поднятой саблей. В четырехугольном замковом дворе был погреб с ужасающим названием «Кровавый суд». Совсем неподалеку от замка на очаровательном Замковом пруду, где плавали лебеди и утки, можно было взять лодочку напрокат и покататься. Через реку Прегель вели живописные мосты; разводные мосты, из-за которых мы нередко опаздывали в школу, они вели на остров, расположенный в центре города. Старинный собор, в котором я впервые услышал «Страсти по Матфею», от которых у меня перехватило дыхание, был доминантой острова Кнайпхоф. У стен собора покоится философ Иммануил Кант, слова которого отлиты в металле и укреплены на замковой стене... Многочисленные старые склады, перед которыми постоянно причаливали баржи с новым грузом, извилистые узкие переулки, мощные ворота в крепостных стенах — все они свидетельствовали о древней истории. Благодаря им легко можно было поверить в то, что в этом городе живут и сказки, и легенды...¹⁵

Вот в таком городе и росла Ханна Арендт. Она училась в школе королевы Луизы на улице Ландгофмейстерштрассе (сегодня это школа №41 на ул. Сергея Тюленина), так как это была единственная в Кёнигсберге гимназия для девочек, там можно было изучать латынь и греческий язык. Греческий был любимым предметом Ханны Арендт. Предположительно она ездила в школу и обратно домой на трамвае, изо дня в день пересекая родной город. Можно не сомневаться, что его вид наложил на нее свой отпечаток.

Все в Кёнигсберге указывало на его самого великого сына. Писатель Макс Фюрст, на год старше Ханны Арендт, в автобиографии описывает «памятную доску с цитатой Канта, укрепленную на стене Кёнигсбергского замка, его знаменитые

¹⁵ *Wieck M. Zeugnis vom Untergang Königsbergs — Ein „Geltungsjudе“ berichtet. München, 2005. S. 51.*

слова о звездном небе и моральном законе. Каждому школьнику Кёнигсберга пришлось хотя бы раз переписать эту цитату слово в слово...»¹⁶

Иммануил Кант был в Кёнигсберге истиной в последней инстанции в вопросах хорошего поведения. Кантовские достоинства стали и прусскими добродетелями, примером которых служил Фридрих Вильгельм I и с которыми Кант практически вырос, так как его родители были пиетистами и детей воспитывали соответственно: вежливость, скромность, чувство долга и верности ему, честность, умение довольствоваться малым, прилежание, усердие в работе и уважение начальства. Мысль Канта сформировала культурный слой в Кёнигсберге таким образом, который выходил далеко за пределы религиозных ограничений; все кёнигсбержцы вне зависимости от формы вероисповедания поддерживали его учение¹⁷.

В XVIII веке евреи в Пруссии еще не были равноправными гражданами, тем не менее они находились под защитой прусского правового государства. Андрей Болотов, российский офицер, живший в Кёнигсберге во время Семилетней войны, в автобиографии рассказывает, что один немецкий знакомый пригласил его на свадьбу по иудейскому обычаю. Будучи в совершенном изумлении, он описывает, что в празднестве приняли участие кёнигсбергские ремесленники, священники, коммерсанты с женами и дочерьми, студенты, дворяне и офицеры, а евреи отличались от прочих собравшихся только локонами от висков к подбородкам, но в остальном же и они, и их жены были одеты столь же хорошо, сколь и остальные гости¹⁸. В России он ничего подобного не видел.

¹⁶ *Fürst M. Gefilte Fisch — Eine Jugend in Königsberg. München, 1973. S. 39.*

¹⁷ Информация получена в частной беседе автора с Михаэлем Виком 5 ноября 2014 года.

¹⁸ *Leben und Abenteuer des Andrej Bolotow, von ihm selbst für seine Nachkommen aufgeschrieben, 1738 — 1795. München, 1990. Bd. 1. S. 321—322.*

Врач Маркус Херц был оппонентом Канта на защите его докторской диссертации. Позднее, переехав в Берлин, он остался важным партнером по переписке с Кантом. Исаак Авраам Ойхель, преподававший в Альбертине философию и ближневосточные языки, в 1783 году основал в Кёнигсберге первый современный журнал на иврите *Ha Meassef* («Собиратель»), ставший центром иудейского просвещения.

Двадцать пятого августа 1896 года была освящена Новая синагога на Линденштрассе (сегодня ул. Октябрьская) в районе реки Прегель, напротив старого здания университета, на церемонии присутствовали обер-президент провинции Восточная Пруссия граф Бисмарк, городской комендант генерал-лейтенант Койлер, обер-бургомистр Гофман, университетская профессура Альбертины, а также евангелический священник, суперинтендант Лакнер. От имени города выступал кёнигсберский вице-бургомистр Карл Бринкман. Он поздравил общину синагоги с тем, что «в вашем празднике с радостью принимают участие все кёнигсбергские сограждане. С высоко поднятой головой и наверняка с вашего согласия я позволю себе сказать: здесь, в Кёнигсберге, представители всех религий и конфессий живут в мире и согласии друг с другом и друг рядом с другом»¹⁹. В торжественной проповеди по случаю 200-летия со дня рождения Иммануила Канта, которая прозвучала во второй день праздника Пессах 5684 (в европейском летосчислении это было 20 апреля 1924 года) в Новой синагоге в Кёнигсберге, раввин общины доктор Райнхольд Левин выразил точку зрения, что «мировое гражданство нравственности — это общая заповедь Моисея и Канта: нравственный завет, который каждому дает благородство и достоинство, связывает

¹⁹ *Brinkmann K.* Rede zur Eröffnung der Königsberger Neuen Synagoge 1896 // Festschrift zum 25 jährigen Jubiläum der Königsberger Synagoge, 1921. Цит. по: *Schüler-Springorum S.* Die jüdische Minderheit in Königsberg/Pr. 1871—1945. Göttingen, 1996.

его с общим и целым. Моисей... через тысячелетия... протягивает руку главному мыслителю немецкого народа»²⁰.

Зная эту подоплеку, можно лучше понять самосознание Ханны Арендт, которому она сама дала такое описание:

Факт в том, что я не просто никогда не притворялась кем-то, кем я не являюсь, но я никогда даже не испытывала соблазна так поступить... Даже в детстве. Быть еврейкой для меня означает несомненную данность моей жизни, и я никогда не желала ничего изменить в этих фактах жизни²¹.

Основой такого самосознания «была само собой разумеющаяся принадлежность к евреям, идентичность, которая практически процветала в либеральной и сравнительно плюралистичной атмосфере довоенного Кёнигсберга»²². У Макса Фюрста самосознание было примерно таким же:

Я никому не позволяю навязывать или предписывать мне, кем мне быть. Может быть, я не являюсь немцем — а кто это вообще такой, — но я кёнигсбержец, восточный пруссак, и я здесь на своем месте, как и многие другие, кто здесь родился и живет²³.

За три с половиной года до прихода к власти в Германии национал-социалистов и ровно за 15 лет до того дня, когда старый Кёнигсберг погиб в пламени британских налетов, Томас Манн в беседе с «Кёнигсбергер альгемайне цайтунг» 29 августа 1929 года сказал о своих ощущениях во время первого визита в Восточную Пруссию:

²⁰ Lewin R. Mose und Kant // „Denken wir uns aber als verpflichtet ...“ / Hg. R. Matler. Königsberger Kant-Ansprachen 1804 — 1945. Erlangen, 1992. S. 156—159.

²¹ *Schüler-Springorum* S. Op. cit. S. 524.

²² *Ibid.* S. 523.

²³ *Fürst M.* Op. cit. S. 195.

Я и сам не знаю, почему образ Востока настолько полюбился мне за столь короткое время. Может быть, это дополнение меня самого? Восточные пруссаки такие иные, такие неповторимые. Возможно, в их подсознании, в сердце и разуме, живет чужой великий миф... я нахожу здесь мост, ведущий в славянский культурный круг...²⁴

Самосознание Ханны Арендт и Макса Фюрста соответствовало требованию, которое Томас Манн выдвинул во время беседы с журналистом газеты «Кёнигсбергер альгемайне цайтунг»:

Все действительно добрые и праведные духом должны иметь возможность высказаться во всех странах, во всех зонах. Но важен характер... Немец должен быть немцем, уроженец Восточной Пруссии — пруссаком, вестфалец и ганноверец — нижне-саксонцем.

Только в соединении индивидуальностей возникает настоящее единство. Так происходит и с семьями народов, наций. Тот европейский дух, который мы хотим возделывать, появится лишь тогда, когда каждый будет «сам собой». Отрицание самих себя делает трусливыми²⁵.

Ханна Арендт самоотречением не занималась и не боялась столкновений. В пятнадцать лет она повздорила с учителем школы королевы Луизы и была исключена оттуда. Два семестра она училась в Берлинском университете, затем ей было позволено сдать школьные экзамены экстерном. В юбилейном кантовском 1924 году — в тот же год кёнигсбергский архитектор Фридрих Ларс построил надгробие на могиле Канта у Кафедрального собора — Ханна Арендт сдала все в той же школе королевы Луизы выпускной экзамен и гордо демонстрировала своим бывшим одноклассницам золотой значок с изображением герцога Альбрехта, так называемый «Альбертус», который в Кёнигсберге вручали выпускникам, причем она закончила школу на год раньше их.

²⁴ *Königsberger Allgemeine Zeitung*, 29. August 1929, Gespräch mit Thomas Mann // Frage und Antwort, Interviews mit Thomas Mann 1909—1955 / Hrsg. v. V. Hansen und G. Heine. Hamburg, 1983. S. 146.

²⁵ *Ibid.* S. 147.

Уже в юности Ханна Арендт познакомилась с трудами своего земляка Иммануила Канта. Сделала бы она то же самое, если бы росла в Ганновере? Юрген Мантей считает следующим образом:

В Канте она видит философа, который отличается от всех своих предшественников — за исключением Сократа и Руссо — тем, что он не использует созерцательный труд, философию, для того чтобы отделиться от прочих не-философов, и в этом смысле она сама тоже станет кантианкой, и можно считать, что основы этого курса были заложены в ее кёнигсбергской юности²⁶.

В 1924 году, когда ей только что исполнилось 18 лет, Ханна Арендт покидает Кёнигсберг и начинает учебу в Марбурге, которую затем продолжит во Фрайбурге и Гейдельберге. Но она сохранила связь со своим родным городом, где жили ее мать со своим вторым мужем Мартином Беервальдом и его дочерьми Кларой и Евой. Несмотря на второе замужество, в 1927 году Марта Арендт вместе с дочерью отпраздновала свою серебряную свадьбу с Паулем Арендтом, праздничная трапеза состоялась в ресторане рядом с Кёнигсбергским загсом, где они поженились²⁷. В 1929 году Ханна Арендт переезжает в Берлин и начинает знакомиться с биографией женщины по имени Рахель Варнхаген; «первые результаты этой работы она представила год спустя на заседании Союза еврейских женщин в своем родном Кёнигсберге»²⁸. В апреле 1932 года Клара Беервальд, страдавшая депрессией, покончила жизнь самоубийством; Ханна Арендт немедленно выехала в Кёнигсберг²⁹. В августе 1933 года она эмигрировала в Париж и более уже не могла ездить в Кёнигсберг. Однако там осталась ее мать; она покинула город только после погромов так называемой «хрустальной ночи» 9 ноября 1938 года.

²⁶ *Manthey J.* Op. cit. S. 615.

²⁷ *Young-Bruehl E.* Op. cit. S. 64.

²⁸ *Schüler-Springorum S.* Op. cit. S. 525.

²⁹ *Young-Bruehl E.* Op. cit. S. 159.

Во время учебы в школе Ханна Арендт была в центре группы детей из интеллигентных еврейских семей, она регулярно приглашала друзей в дом своего отчима Беервальда на Бузольтштрассе, занималась вместе с ними греческим языком и говорила о философии³⁰. Покинув Кёнигсберг, Ханна Арендт сохранила связи с этим кругом друзей³¹. Ее кёнигсбергская знакомая Анна Мендельсон, позднее ставшая женой французского философа Эрика Вейля, на всю жизнь осталась близкой подругой. В письме своему другу Курту Блюменфельду 29 марта 1953 года она писала об Анне: «Аннушка Мендельсон, ныне Анна Вайль. Все еще “лучшая подруга”, как во времена детства»³². Через полгода после смерти Анны, в 1974 году, она навестила в Штутгарте Макса Фюрста, которого знала еще ребенком, и его жену³³.

Ганс Йонас и Элизабет Юнг-Брюль так описывают поведение Ханны Арендт по отношению к друзьям:

Ханна Арендт, как сказал Ганс Йонас на ее похоронах, была «гением дружбы». По собственным словам, ее движущей силой была эротика дружбы; она считала дружеские связи центральными в своей жизни. Арендт посвящала книги своим друзьям; создавала их словесные описания; писала статьи для их публикаций, посылала им на день рождения стихи и письма, цитировала их, постоянно рассказывала их истории. Она в совершенстве владела языком дружбы³⁴.

Удивительно, что ученик и биограф Канта, Райнхольд Бернгард Яхманн, в биографии, опубликованной сразу же после смерти Канта в 1804 году, нашел очень похожие слова для описания поведения Канта по отношению к его друзьям:

³⁰ *Young-Bruehl E.* Op. S. 71—72.

³¹ *Ibid.* S. 105—106.

³² *Hannah Arendt — Kurt Blumenfeld.* S. 83.

³³ *Schüler-Springorum S.* Op. cit. S. 529.

³⁴ *Young-Bruehl E.* Op. cit. S. 15.

Кант отличался особенно теплым чувством дружбы³⁵; Кант был горячим, сердечным, участливым другом и сохранил это теплое сердечное чувство дружбы до глубокой старости. Его чувствительная душа непрестанно занималась всем, что касалось его друзей; он принимал близко к сердцу малейшие обстоятельства их жизни; он глубочайшим образом беспокоился за их неудачи и сердечно радовался, когда опасности и угрозы разрешались счастливым образом³⁶.

Есть определенное сущностное родство между обоими кёнигсбержцами, Иммануилом Кантом и Ханной Арендт. Иммануил Кант провел свою жизнь в кругу друзей в Кёнигсберге; Ханна Арендт покинула свой родной город и Германию, но она не отказалась от своих кёнигсбергских друзей. Она вспоминала «годы, во время которых родной язык и дружба зачастую были единственными точками опоры в потоке войны, изгнания, новых языков и незнакомых обычаев»³⁷.

Когда в 1964 году Гюнтер Гаус спросил ее, что осталось для нее из догитлеровской Европы, она ответила: «Остался язык... Родному языку нет замены»³⁸. В ответ на вопрос о впечатлениях, полученных в 1949 году, когда она впервые вернулась в Германию, она сказала: «...меня несказанно обрадовало то, что на улице говорили по-немецки»³⁹. Но ее родным языком был не просто немецкий, а тот диалект, на котором говорили в Кёнигсберге, с типичными восточнопрусскими выражениями и с особым кёнигсбергским тембром. В письме 29 марта 1953 года она сообщала своему другу Курту Блю-

³⁵ *Jachmann R. B.* Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund. Königsberg, 1804. Achter Brief, S. 75.

³⁶ *Ibid.*, S. 83.

³⁷ *Ibid.*

³⁸ *Arendt H.* Von Wahrheit und Politik, Originalaufnahmen aus den 50er und 60er Jahren. München, 1999/2006. 5 CD-Box, CD 1, Track 8, 4:20.

³⁹ *Ibid.*, Track 9, 5:43.

менфельду, что «Самбурски⁴⁰ был здесь и приедет еще раз. Мы провели вместе очень славный вечер, и я была в полном восторге, снова слыша чистейшую кёнигсбергскую речь»⁴¹.

В письме от 23 октября 1960 года она попросила Блюменфельда назвать ей дату процесса над Эйхманом, поясняя: «У меня куча всевозможных обязательств, и я должна своевременно все отметить, но не хочу просто отменить все подряд и стоять потом с помытой шеей, а дядя так и не придет (как говорят в Восточной Пруссии)»⁴².

В письме она всегда использовала настоящее время глаголов, «потому что так говорят в Восточной Пруссии», хотя в 1960 году Восточная Пруссия уже была в прошлом. После смерти мужа Генриха Блюхера в 1970 году ее кёнигсбергская «лучшая подруга» Анна Вейль, урожденная Мендельсон, приехала из Франции и довольно продолжительное время оставалась рядом с Ханной в Нью-Йорке. «С помощью приходящей домработницы Салли Дэвис Анна Вейль организовала покупку продуктов, готовку пищи, и, что важнее всего, она говорила по-немецки, употребляя восточнопруссские обороты речи, которые были знакомы подругам со времен юности»⁴³.

В интервью с Гюнтером Гаусом, которое состоялось 28 октября 1964 года, Ханна Арендт иногда говорит на восточнопруссском диалекте, возможно, потому что она рассказывает о себе, а не читает научную лекцию. Особенностью восточнопруссского произношения является, к примеру, что безударный слог „-in“, служащий для обозначения женского рода, ослабляется и звучит как „-en“. В Восточной Пруссии произносят не „die Ärztin“, а „die Ärzten“. Так, Ханна Арендт произносит слово

⁴⁰ Шмуэль (Самуэль) Самбурски, родился 30 октября 1900 года в Кёнигсберге, умер 18 мая 1990 в Иерусалиме, физик и историк.

⁴¹ *Hannah Arendt — Kurt Blumenfeld*. S. 83.

⁴² *Ibid.* S. 257.

⁴³ *Young-Bruehl E.* Op. cit. S. 593.

„Philosophin“ как „Philosophen“, а слово „Jüdin“ как „Jüden“⁴⁴. Подобно берлинцам, уроженцы Восточной Пруссии смягчали произношение согласного „g“ перед гласным „e“, часто произнося его как „j“, именно так говорит Ханна Арендт:

„Wenigstens habe ich was jemacht“⁴⁵ (Я хоть что-то сделала)
„... der war ja abjemeldet“⁴⁶ (он же выписался)
„... dies hatten sie ja auch nich jewollt“⁴⁷ (они этого и не хотели)

Неоднократно она говорит „dasjenije“, „diejenijen“, „die einzijen“, произнося немецкие слова с диалектальным окрасом, а на один из вопросов Гюнтера Гауса отвечает, приводя типично восточнопрусское неперебиваемое выражение: «Сегодня я уже не смогу вам это расчихвостить»⁴⁸.

Р.-Б. Яхман сообщал о Канте:

Он рассматривал язык общения лишь как средство, чтобы легче обмениваться мыслями; следовательно... для всеобщего легкого общения не может быть иного языка, кроме как того, что есть в этой местности. Поэтому он был в своем языке столь безмятежен, что активно пользовался провинциализмами, а во многих словах следовал ошибочному провинциальному произношению⁴⁹.

И Ханна Арендт, и Кант говорили на языке, имевшем характерную окраску той местности, откуда они были родом, — Восточной Пруссии. У них был общий родной язык.

Но не только язык, а еще и дух родного города, так называемый *Spiritus loci*, города, в котором они выросли, оказывал свое воздействие на обоих. В главе «Общий характер Кёнигс-

⁴⁴ *Arendt H.* Originalaufnahmen aus den 50er und 60er Jahren. Track 3.

⁴⁵ *Ibid.* Track 3, 4:00.

⁴⁶ *Ibid.* Track 9, 4:12.

⁴⁷ *Ibid.* Track 9, 4:30.

⁴⁸ *Ibid.* Track 4, 2:40.

⁴⁹ *Jachmann R.B.* Op. cit. Sechster Brief, S. 60.

берга» своих «Кёнигсбергских набросков», вышедших в 1842 году, автор Карл Розенкранц, преемник Канта в качестве профессора философии в Альбертине, пояснил суть Кёнигсберга следующими словами:

Как мне кажется, основная черта Кёнигсберга заключается в его *универсальности, которой владеет яснейший разум...* Это доказывает его *расположенность к прогрессу...* Но в своей универсальности он также обладает *неумолимой* разумностью... Эта разумность во взаимосвязи с универсальностью, является причиной редкой *справедливости суждения...* И если поэтому из Кёнигсберга вышла критическая философия, то в этом видится нечто большее, чем просто случайность⁵⁰.

Кантовская критическая философия выросла из кёнигсбергского духа. То, что Ханна, четырнадцатилетняя школьница в Кёнигсберге, начала интересоваться трудами Канта и что в свои последние годы жизни и незадолго до смерти 4 декабря 1975 года в Нью-Йорке работала над текстом, в центре которого стояла политическая философия Канта, определенным образом связано с Кёнигсбергом. Ее духовными учителями были уроженцы Восточной Пруссии Иоганн Георг Гаман, Иммануил Кант и Иоганн Готфрид Гердер. Юрген Мантей цитирует слова Ханны Арендт, сказанные в 1964 году Йоахиму Фесту: «В том, как я думаю и рассуждаю, я все еще из Кёнигсберга. Иногда я пытаюсь утаить это от самой себя. Но это так»⁵¹.

Кёнигсбержец Иммануил Кант проел всю свою жизнь в родном городе и в то же время был гражданином мира. Гражданка мира Ханна Арендт провела самую большую часть своей жизни вдали от родины. Но если рассмотреть ее жизнь и труды, то приходишь к выводу, что всю свою жизнь она оставалась уроженкой Кёнигсберга.

Пер. с нем. С. Колбанёвой

⁵⁰ Rosenkranz K. Königsberger Skizzen. Danzig, 1842. Nachdruck: Hannover-Döhren, 1972. S. 64—69 passim.

⁵¹ Manthey J. Op. cit. S. 629.

Список литературы

1. *Arendt H.* Denken ohne Geländer, Texte und Briefe / Hrsg. von H. Bohnet und K. Stadler. München, 2006.
2. *Arendt H.* Von Wahrheit und Politik, Originalaufnahmen aus den 50er und 60er Jahren. München, 1999/2006.
3. *Fürst M.* Gefilte Fisch — Eine Jugend in Königsberg. München, 1973.
4. *Interview* mit Günter Gaus // Denken ohne Geländer, Texte und Briefe / Hrsg. von H. Bohnet und K. Stadler. München, 2006.
5. *Jachmann R.B.* Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund. Königsberg, 1804.
6. *Königsberger* Allgemeine Zeitung, 29. August 1929, Gespräch mit Thomas Mann // Frage und Antwort, Interviews mit Thomas Mann 1909—1955 / Hrsg. v. V. Hansen und G. Heine. Hamburg, 1983.
7. *Prinz A.* Hannah Arendt oder die Liebe zur Welt. Berlin, 2012.
8. *Heuer W.* Hannah Arendt. Reinbek bei Hamburg, 1987.
9. *Schüler-Springorum S.* Hannah Arendt und Königsberg // Geschichte und Kultur der Juden in Ost- und Westpreußen / Hrsg. M. Brocke et al. Hildesheim ; Zürich ; N. Y., 2000.
10. *Wieck M.* Zeugnis vom Untergang Königsbergs — Ein „Geltungsjuden“ berichtet. München, 2005.
11. *Young-Bruehl E.* Hannah Arendt — Leben, Werk und Zeit. Frankfurt a/M., 2004.

Об авторах

Дементьев Илья Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия), IDementev@kantiana.ru

Карпенко Анна Михайловна — социальный исследователь, эксперт Агентства поддержки культурных инициатив «Транзит» (Калининград, Россия), a_karpenko@yahoo.com

Кшеминьски Адам (Krzemiński (Adam) — германист, публицист еженедельника «Polityka» (Варшава, Польша), krzem@gmx.net

Магун Артемий Владимирович — доктор философии и доктор политологии, декан факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (Россия), amagun@eu.spb.ru

Саликов Алексей Николаевич — кандидат философских наук, заместитель директора Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия), salikov123@mail.ru

Филиппов Александр Фридрихович — доктор социологических наук, профессор факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), afilippov@hse.ru

Хойер Вольфганг (Heuer Wolfgang) — доцент Института политической науки им. Отто Зура в Свободном университете (Берлин, Германия), редактор портала www.hannaharendt.net, wolfgang.heuer@gmx.de

Хорст Герффрид (Horst Gerfried) — председатель Общества Друзей Канта и Кёнигсберга (Берлин, Германия), gerfried.horst@t-online.de

Научное издание

СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ
ХАННЫ АРЕНДТ

Материалы международной конференции

Редактор *В. Г. Арутюнян*. Корректор *И. А. Смирнов*
Компьютерная верстка *М. М. Круподери*

Подписано в печать 17.11.2015 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 6,5
Тираж 150 экз. Заказ 203

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6